

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

Набережночелнинского государственного
педагогического университета

ИСТОРИЯ
HISTORY

BULLETIN
of Naberezhnye Chelny
state pedagogical University

Выпуск 1 (26)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

№1 (26) • Апрель • 2020

ВЕСТНИК

Набережночелнинского государственного
педагогического университета

BULLETIN

of Naberezhnye Chelny
state pedagogical University

№1 (26) • April • 2020

УДК 378.1
ББК 74р+74.48
В38

Публикуется по решению Ученого Совета
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Набережночелнинский государственный педагогический университет»

Научно-теоретический журнал. Издаётся с 1995 г.
До 2016 года назывался «Вестник НГПИ»

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор: Галиакберова А.А., кандидат экономических наук
Зам. главного редактора: Мухаметшин А.Г., доктор педагогических наук
Научный редактор: Асратян Н.М., кандидат философских наук, доцент
Редактор, корректор: Ганиев Э.Р., начальник РИО
Дизайн/верстка: Валиева Р.Ш., научно-исследовательский сектор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Фредерик Кабель, Phd, директор Высшей школы подготовки учителей г. Труа,
г. Шомон Университета г. Реймс, Шампань-Арденн, Франция

Хактан Бирсель, Phd, вице-ректор Университета Кипра, г. Левкося, Кипр

Керимов Айюб Севдим - Оглы, доктор философских наук, профессор кафедры общественных дисциплин
Азербайджанского Технического Университета, г. Баку, Азербайджан

Хелфаллах Милуд, профессор, доктор философских наук Университета Бискра Мохамед Хидер г. Бискра, Алжир

Сабиров Ильшат Талгатович, кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «НГПУ», г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия

Корнилова Ирина Валерьевна, доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «НГПУ», г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия

Нигамаев Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «НГПУ», г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия

Виноградов Андрей Владиславович, кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «НГПУ», г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия

В 38 Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета: сборник научных трудов. Вып. 1 (26). – Набережные Челны: Издательство ФГБОУ ВО «НГПУ», 2020. – 62 с. : Текст : Электронный.

ISBN 978-5-98452-200-7

«Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета» формируется по дисциплинарному принципу. Настоящий выпуск составлен из статей по исторической тематике. Интересы их авторов направлены на исследование многообразных процессов прошлого, требующих современного осмысления и обобщения.

Читатель найдет материалы, относящиеся к жизни разных народов в разные исторические периоды, при этом проблемы, затрагиваемые в статьях, сохраняют актуальность и в наши дни. Поэтому материалы журнала будут полезны не только историкам, но и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами этнологии, антропологии, педагогики, экологии.

УДК 378.1
ББК 74р+74.48

ISBN 978-5-98452-200-7

© Коллектив авторов, 2020
© ФГБОУ ВО «НГПУ», 2020

Содержание:

Слово главного редактора	4
<i>Барабанова К.С.</i> Конструирование эпидемии чумы в Севастополе в 1830 г. с использованием климатических условий.....	6
<i>Kseniia S. Varabanova.</i> Construction of a plague epidemic in Sevastopol in 1830 using climatic conditions	6
<i>Хактан Бирсель.</i> Кавказ и Грузия глазами путешественников и миссионеров 19 века.....	10
<i>Haktan BİRSEL.</i> The Caucase and Georgia Impression of 19 Century's Travelers and Missionaries.....	10
<i>Виноградов А.В.</i> «Битва за Трубезж»: ранние формы борьбы с промышленным загрязнением в Российской Империи на примере Переславля (1846-1856)	18
<i>Vinogradov A.V.</i> The battle for the Trubezh: early forms of struggle with industrial pollution in the Russian Empire on example of Pereslavl' (1846-1856)	18
<i>Гололобов Е.И.</i> Антропогенное воздействие человека на водные ресурсы Севера Западной Сибири в период активного промышленного освоения (1960-1975 гг.): на примере Сургутского Приобья	28
<i>Gololobov E.I.</i> The anthropogenic impact on water resources of the North of Western Siberia in period of active industrial development (1960-1975th) on example Surgut's Priobye.....	28
<i>Фредерик Кастель.</i> История методики преподавания математики: на пути к созданию комбинированного подхода	34
<i>Frédéric Castel.</i> Histoire de la didactique des mathématiques : vers la création d'un cadre composite.....	34
<i>Керимов Айюб Севдим оглы.</i> Исторические предпосылки Азербайджанского мультикультурализма (до XIX века).....	38
<i>Kerimov Ayub Sevdim ogly.</i> Historical background of Azerbaijan multiculturalism.....	38
<i>Лаура Куэн.</i> Уроки из сада: что дачи могут рассказать нам о российском гражданском обществе.....	42
<i>Laura Kuen.</i> Lessons from the garden: what dachas can tell us about russian civil society	42
<i>Мостовенко М.С.</i> Экологический волонтаризм в СССР в 1960-е годы Астраханский ЦКК и Нижне-Волжская ГЭС.....	50
<i>Mostovenko M.S.</i> Environmental voluntarism in the USSR in 1960th: Astrakhan paper and cardboard mill and Low-Volga hydropower station.....	50
<i>Хелфаллах Милуд.</i> Упоминания о Казани в арабских источниках	58
<i>Khalfallah Miloud.</i> Kazan dans les documents arabes	58

Слово главного редактора

Перед читателем «Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета». Очередной выпуск нашего журнала, который формируется по предметному принципу, посвящен исследованиям в области истории.

Люди во все времена осмысливали прошлое, задумывались о будущем. Исторические вопросы относятся к числу вечных, где каждый вывод порождает новые размышления и гипотезы. Прошедшее время и ушедшие события, ошибки и достижения поколений будоражат мысль, рождают новые чувства.

Со времен, когда возникли социальные науки, мы не перестаем изучать в разных ракурсах общественные процессы и поступки людей, находить в них причины, цели и смыслы. Историческая наука позволила накопить огромные знания, но породила новые споры о значении и движущих силах изучаемых явлений. А философский взгляд обращен к смыслу самой истории, вскрывает природу исторического сознания.

В нашем журнале авторы размышляют о самых разнообразных событиях прошлого. В нескольких статьях показано, как возникали острые экологические проблемы, рассмотрены антропогенные, социальные, политические, экономические аспекты экологических конфликтов.

Читатель найдет поучительную историю о чумном бунте в Севастополе в 1830 г., при том, что самой эпидемии чумы в городе не было.

Интересны описания путешественников о Кавказе и Грузии 19 века, а также размышления об исторических предпосылках мультикультурализма в Азербайджане.

Статья о математической дидактике написана в проблемном поле на стыке истории, педагогики и математики. Любопытен внешний взгляд на такое своеобразное явление российской бытовой и гражданской культуры, как дача.

Все разрозненные, казалось бы, события и явления из жизни разных народов и разных эпох, описанные авторами из разных стран на разных языках, складываются тем не менее в общую мозаику, поскольку исследуемые в статьях проблемы сохраняют живую актуальность.

Поэтому статьи в журнале будут интересны не только историкам, но и самому большому кругу читателей.

А.А. Галиакберова,
Ректор Набережночелнинского
государственного педагогического университета

ИСТОРИЯ

HISTORY

Барабанова К.С.

Конструирование эпидемии чумы в Севастополе в 1830 г. с использованием климатических условий

Чумной бунт, вспыхнувший летом 1830 г., в Севастополе стал следствием предпринятых в городе противоэпидемических мероприятий. Самой же чумы в городе не было, но, как и любая другая чрезвычайная ситуация, эпидемия была выгодна для достаточно широкого круга акторов. Для создания искусственной эпидемии были использованы противоэпидемические мероприятия, которые опирались на климатические условия Севастополя. Карантины в пещерах и полуразрушенных казармах, зимнее купание в море, жизнь в неотапливаемых лачугах при минимальном довольстве приводили к повышению смертности среди горожан. Высокая же смертность была доказательством существования в городе эпидемии чумы и требований о выделении дополнительных средств на борьбу с ней.

Ключевые слова: чума, Севастополь, чумной бунт, 1830 год, противоэпидемические мероприятия, карантин

Kseniia S. Barabanova

Construction of a plague epidemic in Sevastopol in 1830 using climatic conditions

The plague riot that broke out in the summer of 1830 in Sevastopol was the result of anti-epidemic measures undertaken in the city. The plague itself was not in the city, but, like any other emergency, the epidemic was beneficial for a fairly wide range of actors. To create an artificial epidemic, anti-epidemic measures were used, which were based on the climatic conditions of Sevastopol. Quarantines in caves and dilapidated barracks, winter swimming in the sea, life in unheated shacks with minimal satisfaction led to increased mortality among citizens. High mortality was proof of the existence of a plague epidemic in the city and demands for the allocation of additional funds to combat it.

Keywords: plague, Sevastopol, plague riot, 1830, anti-epidemic measures, quarantine

3 июня 1830 г. в Севастополе разгорелся чумной бунт. В ходе него был убит временный военный генерал-губернатор Н.А. Столыпин, карантинный инспектор С. Стулли, бригадный командир С. Воробьев. Многие акторы, задействованные в борьбе с чумой, в том числе и врачи, были избиты. Главным требованием горожан было снятие карантин и признание властями, что чумы в Севастополе нет. Более 6 тысяч человек оказались под судом, семь зачинщиков были повешены, жители целой слободки лишились дома¹.

Севастопольский кейс является уникальным случаем. По всем признакам чумы в городе

в период с 1829 по 1830 г. не было. Этого же мнения придерживался доктор Н.И. Закревский, находившийся в то время в Севастополе и выдержавший карантин. Он считал, что в городе есть больные «ожесточенной полу-трех-дневной дикийской горячке (Hemitritacum Daciae)»². Отметим, что для чумной эпидемии характерна гораздо более высокая смертность, чем наблюдалась в этот период в городе. Обычно во время крупной эпидемии среди жертв часто встречаются и врачи, которые находятся в зоне риска, так как часто контактируют с больными. В Севастополе же ни один врач не заразился чумой во время эпидемии. Если же в Севастополе не было

¹ Полканов А. Севастопольское восстание 1830 г. Симферополь. 1936; Фесенко А. Чумной бунт в Севастополе // Культура народов Причерноморья. 2011. № 204. С. 52 – 57.

² Закревский Н. И. На берегу в Севастополе, 1830 // Морской сборник. 1861. Т. 42, № 4. Неоф. отд., С. 290.

чумы, то возникает вопрос, для чего же были предприняты противоэпидемические мероприятия, реализация которых привела к столь масштабному бунту. Мы можем предположить, что они служили прикрытием для многочисленных нарушений в этот период.

Таким образом, севастопольская история может раскрыть механизмы нарушений во время эпидемий. Для нас также интересны инструменты создания видимости крупной эпидемии для оправдания противоэпидемических мероприятий.

В 1828 г. Российская империя вступила в войну с Турцией. Вскоре в войсках были обнаружены больные чумой. Болезнь распространялась вместе с военными и была занесена в Бессарабию и Одессу. В мае 1828 г. по распоряжению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова был взят карантинное оцепление Севастополь. Карантинные были традиционной мерой предохранения от распространения чумных эпидемий по территории империи. Нарушение карантинных правил наказывалось вплоть до смертной казни согласно Карантинному уставу 1818 г.³

17 июня 1829 г. по приказу начальника карантинного оцепления Херхеулизева в городе был объявлен «полный карантинный термин». Такое распоряжение было бы обоснованным, если бы в городе началась вспышка чумы, но ни в самом Севастополе, ни на кораблях, стоявших на рейде, подозрительных больных не было. Термин был объявлен 18 июня, что позволило покинуть город казенным фурщикам и крестьянам из ближайших деревень. Следующее ужесточение карантинных правил начинается после 7 января 1830 г., когда доктор Верболозов заявил об обнаружении чумного больного.

Для многих жителей Севастополя карантинное оцепление означало лишение возможности заработка и увеличение стоимости продуктов. Кому же было выгодно такое мероприятие? На самом деле довольно широкому кругу лиц. В-первых, это были сами карантинные чиновники и врачи, так как они получали за эту работу дополнительные выплаты в виде суточных. Нельзя и забывать, что карантинное можно было избежать за определённую сумму. Позднее во время эпидемии холеры в 1830 – 1831 г. многие за взятку будут обходить неудобную обсерваци-

онную заставу. Во-вторых, местные торговцы и чиновники, связанные с ними. Цены на продукты в Севастополе выросли сразу после установления карантина.

Более всех пострадали жители Корабельной и Артиллерийской слободок. Они были лишены карантинным термином возможности на заработок. Уже летом 1829 г. перед ними возникла реальная возможность голодной смерти зимой. В августе границы оцепления еще больше приблизились к городу. Те, у кого была домашняя скотина, более не могли пасти ее за пределами города.

Карантин на Павловском мысу стал самым известным в Севастополе. Размещался он в наскоро подготовленной казарме. В помещении, по воспоминаниям доктора Н.И. Закревского оказавшегося на карантине, не было ни одного исправного окна. 22 декабря, когда он с матросами попал на Павловский мыс, была солнечная погода, день был теплый, но ночью поднялся сильный норд-ост. Вместе с порывами ветра в казарму врывался снег. Окна было нечем заколотить, больные же мерзли, прижавшись к стене с подветренной стороны. Не было ни дров, ни хлеба⁴. В других карантинах дела обстояли еще хуже, так как под них были отданы сараи без окон, печей и полов. Находясь в таких условиях, даже здоровый человек подвергался большому риску серьезно заболеть. А в карантинные отправляли всех больных вне зависимости от болезни.

Порой туда попадали и те, кто был здоров. Была объявлена чумной женщина, которая страдала достаточно долго от нарыва на шее. В ее смерти жители Корабельной слободки обвинили мортусов, которые якобы ее задушили. Часовые, стоявшие у ее дома, подтверждали, что слышали ее крики о помощи. Это вызвало возмущение у собравшейся толпы. Был пойман медик Шрамков, которого голого привязали к телу покойницы и вымазали выделениями из нарыва. Но ни доктор, ни женщины, прикасавшиеся к мертвой, не заболели⁵.

Новой для чумных эпидемий стала практика купания населения в море зимой⁶. Начало процедуры пришлось на самые холодные меся-

³ ПСЗ РИ-1. 1818. Т. 35. № 27490. Устав о карантинах. С. 474 – 517.

⁴ Закревский Н. И. Корабль «Эриван», 1829 // Морской сборник. 1861. Т. 42, № 3. Неоф. отд., С. 91.

⁵ Записка по поводу возмущения 3 июня 1830 г. в г. Севастополе, приказы и переписка о мерах предотвращения возмущения и мерах борьбы с эпидемией чумы. (1830-1833) // РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 13 об.

цы зимы и продолжалось вплоть до мая. Идея принадлежала доктору Лангу. Благодаря этой процедуре в городе резко возросло число больных горячкой⁷. Купание сначала применялось к подозрительным больным, а затем ко всем жителям слободок. Те, кто не мог купаться в море, подвергался обливанию водой в доме. Благодаря такой профилактической мере, многие подозрительные больные скончались, что стало для врачей новым подтверждением наличия чумы. Следует отметить, что зима в тот год была ранней и суровой.

В эту холодную зиму жителям слободок запретили покидать свои лачуги. Границы карантина были сокращены до дверей дома. Лишенные возможности зарабатывать на пропитание и выходить за водой, жители слободок попали в полную зависимость от снабжения чиновниками. Была учреждена Комиссия по предмету «продовольствия», отвечавшая за снабжение населения припасами, водой, дровами и сеном. Все это отпускалось или в малом количестве и плохого качества, или не отпускалось вовсе. Население слободок продавало за копейки скотину, потому что не могло ее прокормить. Без дров население не только замерзало в своих лачугах и заболело простудными заболеваниями, но и не могло приготовить себе пищу, ели одну муку, разведенную с водой. Того количества дров, которое выделяла комиссия хватало, чтобы испечь 2 – 3 хлеба. Качество же муки, которую выдавали населению, было крайне низким. Все это также способствовало развитию заболеваний, в том числе от грязной воды, которую не было возможности кипятить, да и которая находилась также в дефиците⁸.

Некоторые проводимые в городе мероприятия по борьбе с чумой ранее не практиковались. Привели они только к увеличению больных. За пять месяцев горожане не слышали, чтобы люди болели обычными болезнями или умирали естественной смертью, «все это было объявлено за чуму»⁹.

В чем же заключалась выгода чиновников и врачей (которые на самом деле тоже чиновники)? При объявлении карантина, как мы уже указывали, они получали дополнительные вы-

платы¹⁰. Также они получали значительные суммы на разъезды и другие потребности. Суда же следует отнести различные награды за борьбу с эпидемией. Эта часть доходов была официальной. К полуофициальной следует отнести деньги на содержание карантинных, выделенных из средств, отпущенных на продовольствие и раздачу горожанам¹¹.

Чтобы оправдать наличие чумы в Севастополе создавались все условия для повышения уровня заболеваемости и смертности в городе. Местное население испытывало недоедание и постоянно подвергалось переохлаждению, дополнительной нагрузкой для организма были постоянные купания в холодном море. Таким образом, чиновники использовали климатические условия Севастополя для того, чтобы как можно больше людей заболело и умерло. А так как всех больных признавали чумными, то в официальных отчетах можно было создать полную картину вспышки чумы. Все же нарушения можно было списать на эпидемию.

В условиях чумной эпидемии во время русско-турецкой войны Севастополь попадал в зону риска заражения. Прибывавшие на базу экипажи военных кораблей могли занести в город моровое поветрие и там бы оно распространилось со скоростью лестного пожара. Скученность в районах, где проживали семьи матросов, малообеспеченные горожане, только способствовали бы высокой смертности в случае эпидемии. Практика же распространения чумы по Российской империи во время русско-турецких войн создавала необходимость предотвращения морового поветрия. Для этого использовался самый эффективный в то время метод – карантины.

В 1829 г. Севастополь оказался в полной изоляции, так был объявлен «полный карантинный термин». В городе были введены противоэпидемические мероприятия, среди которых особое недовольство среди горожан вызывали принудительная госпитализация и внутренние

⁷ Кондорак В.Х. В память столетия Крыма. Москва. 1883. С. 53.

⁸ Полканов А. Севастопольское восстание 1830 г. Симферопль. 1936. С. 35 – 46.

⁹ Рапорт // РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л.9.

¹⁰ Частный врач, заведовавший частью в сутки по 2 руб. 50 коп.; окурщик хлором по 2 руб. 50 коп.; врач, состоявший при докторе Ланге по 5 руб.; доктору Лангу по 10 руб.; инспектору карантина по 10 руб.; комиссар карантина по 5 руб., всем 10 руб.; временный комиссар, разведывающий частью города по 5 руб., всем 45 руб.; полицмейстер города по 10 руб.; частному или временному полицмейстеру по 7 руб. 50 коп.; адъютант военного губернатора по 5 руб.; адъютант флотского начальника по 5 руб.

¹¹ О причинах Севастопольского бунта и действиях главного местного начальства касательно открытия оных. // РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 26 об.

карантины. Бедная часть населения из-за этих мер оказалась лишена заработка. Когда же границы карантинного оцепления были сокращены до собственного дома, который нельзя было покидать, горожане оказались заложниками и преследовали единственную цель - выжить.

В этих условиях в городе расцвела коррупция и всевозможные нарушения. По многим признакам чумы в Севастополе в данный период не было. Данный кейс является уникальным, так как эпидемический бунт произошел вне самой эпидемии. Актуальным является и то, что на его материалах можно исследовать нарушения характерные для периода эпидемии, но обычно списываемые в связи с большим количеством жертв.

Эпидемия, как и многие другие чрезвычайные ситуации, была отличной возможностью заработать. Поэтому многие актёры старались принять участие в противоэпидемических мероприятиях. Такая активность могла в будущем помочь в налаживании общего языка с властями. Для чиновников же это была хорошая возможность получить какую-либо награду или продви-

жение по службе. Задействованные в борьбе с эпидемией были заинтересованы в большом количестве жертв. С одной стороны большая смертность прикрывала крупные нарушения. С другой создавала сложности и опасности работы в условиях чрезвычайной ситуации, а значит и повышала ценность деятельности данных авторов.

В случае с Севастополем, где эпидемии не было, заинтересованные лица пользовались всеми возможными ресурсами для увеличения смертности в городе, чтобы доказать существование эпидемии и оправдать воплощаемые в жизнь мероприятия. Главным ресурсом стали климатические условия данной местности. Постоянное проживание в неотапливаемых лачугах, купание в зимнем Черном море, обливание холодной водой и все это в условиях недоедания, должны были привести к высокой смертности в Севастополе. Все эти мероприятия объявлялись противоэпидемическими мероприятиями и были обязательными для всех. А так как борьба с чумой приравнивалась к военным действиям, то сопротивлявшихся, можно было заставить выполнять предписания силой.

Литература:

1. Закревский, Н. И. Корабль «Эриван», 1829 // Морской сборник. – 1861. Т. 42. № 3. неоф. отд., С. 91.
2. Закревский, Н. И. На берегу в Севастополе, 1830 // Морской сборник. – 1861. Т. 42, № 4. неоф. отд., С. 290.
3. Кондораки, В.Х. В память столетия Крыма. М.: Тип. В.В. Чичерина. – 1883. – С. 53.
4. Полканов, А. Севастопольское восстание 1830 г. Симферопль. 1936. – С. 35 – 46.
5. Фесенко, А. Чумной бунт в Севастополе/ А. Фесенко // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 204. – С. 52 – 57.
6. ПСЗ РИ-1. 1818. Т. 35. № 27490. Устав о карантинах. С. 474 – 517.

Об авторе:

Барабанова Ксения Сергеевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических исследований, БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет». Сургут, Россия, barabanova13@gmail.com

Хактан Бирсель

Кавказ и Грузия глазами путешественников и миссионеров 19 века

Во все исторические эпохи Кавказ служил мостом между востоком и западом, и из-за этого все центры силы периодически на протяжении долгой мировой истории старались использовать его.

Богатство культуры, этническое и языковое разнообразие на протяжении всей истории привлекают внимание западных путешественников, в том числе католических миссионеров. Они не только путешествовали, но и делали записи, изучая культурную, этническую, языковую и религиозную структуру региона. Возвращаясь в свои страны, они представляли свои описания в книгах.

В статье изучаются наблюдения, сделанные путешественником по имени Эжен де Гроот в 1890 году, а также изучение пастором Дж. Б. Маренго, который был помощником кардинала Испании в 1880 году, веры, этнической культуры и традиций народов Кавказа.

Ключевые слова: Кавказ, католичество, этничность, Тбилиси, Грузия.

Haktan BİRSEL

The Caucase and Georgia Impression of 19 Century's Travelers and Missionaries

Georgia has been used as bridge between east and west in so many times. The all power have used this bridge in their own times. The Caucasus has been achieved richness of culture, faith, language and ethnicity as a result of glorious travels between east and west, west and east made along long world history. This richness of area is always attractive for all travelers and missionaries and all powers have struggled to achieve these richness.

Caucasus has been faced with many wars because of their geographical features that was used as door of east and south and so all western travelers and Catholic missionaries has interested in this geography. Western travelers and Catholic missionaries has discovered to all Caucasus area for many times and the culture, language, ethnicity of this area has been investigated by these travelers and missionaries. After all geographical discoveries, travelers have gathered all information to make a book.

This article aims to examine that Georgia and Caucasus observation and ethnical features in 1890 by Eugene De Groot and all ethnical, traditional, religion observation of J. B. Marengo who was Cardinal assistant of Spain in 1880.

Keywords: Caucasus, Catholic, Ethnicity, Tbilisi, Georgia

Haktan BİRSEL

19. Yüzyıl Gezgin ve Misyonerlerinin Gözünden Kafkaslar ve Gürcistan İzlenimleri

Kafkaslar tarihin her döneminde doğu ile batı arasında bir köprü vazifesi görmüştür. Bu özelliği nedeniyle bütün dönemsel güç merkezleri bu köprüyü kullanmıştır. Uzun dünya tarihi boyunca hem batıdan doğuya, hem de doğudan batıya yapılan büyük seferlerin kesişim noktasında kalan bu coğrafya sonuç itibarıyla inanç, kültür, etnisite ve dil bakımından da çok zengin bir yaşama sahip olmuştur. Ancak bu zenginlik her dönem ilgi çekmesi nedeniyle her zaman için elde edilmesi ve uğruna savaşlar verilmesi gereken bir coğrafya konumunda kalmasına neden de olmuştur.

Kafkaslar hem bu açıdan hem de her yöne açılan bir kapı olması nedeniyle tarih boyunca batılı seyyahların ve eş zamanlı olarak Katolik misyonerlerin ilgisini çekmiştir. Gezginler ve misyonerler Kafkas coğrafyasını her defasında baştan diğer ucuna kadar dolaşmışlardır. Sadece gezmekle kalmamışlar, aynı zamanda bölgenin kültür, etnik, dil ve din yapısını da inceleyerek notlar almışlar ve ülkelerine döndüklerinde bu notlarını kitap haline getirmişlerdir.

Bu bağlamda bildiri tarihi süreç içinde önemli bir dönem olan 19. Yüzyıl Kafkaslarında ve Gürcistan'ında yapılan Eugene de Groot isimli bir gezginin 1890 yılındaki gezisindeki gözlemlerini ve tespit ettiği etnik yapı özelliklerinin anlatılması ve yine 1880 yılında İspanya Kardinal Yardımcısı olan Kapusen Papaz J. B. Marengo'nun inanç, etnik ve gelenekler üzerine yapmış olduğu araştırmaların aktarılması üzerine hazırlanmıştır.

Anahtar Kelimeler: Kafkaslar, Katolik, etnisite, Tiflis, Gürcistan

Giriş

Genel olarak Karadeniz ile Hazar arasında kalan Kuzeyde Vladikafkaslardan güneyde İran'a kadar uzanan geniş ve sarp coğrafya Kafkaslar olarak isimlendirilmektedir. Tarih boyunca Asya'nın kalbi halinde olan bu bölge dönemsel bütün güç merkezlerinin geçiş noktası olmuştur. Özellikle yer altı ve yer üstü zenginliklerine, muhteşem verimli arazilerine sahip olması nedeniyle her dönemde büyük güç merkezlerinin ele geçirmek istediği bir coğrafya halinde olmuştur. Bu yüzden de çok defa istila edilmiş ve değişik kültürlerin hâkimiyeti altına girmiştir. Bu nedenle Kafkaslarda uzun bir dönem sonrasında çok değişik halk, kültür, inanç ve dil grupları ortaya çıkmış ve birlikte yaşayabilme özellikleri gelişmiştir.

Dolayısıyla burada etnisite bağlamında bütüncül bir çerçeve çizilebilir. Bunun sebepleri çok önemlidir ve bu duruma neden olan hususları ortaya çıkarabilmek için kullanılacak metodolojinin iyi seçilmesi gerekmektedir. Çünkü başlangıçta heterojen nüfus yapısına sahip olan dünyanın pek çok bölgesinde tarihi süreçleri benzer olmasına rağmen çok sayıda toplum homojen bir etnik yapıya ulaşabilmiştir.¹ Ancak Kafkaslarda bu

durum gerçekleşmemiştir. Kafkaslardaki sorunun odağına bakabilmek için gerekli olan metodolojisi olması gerektiği düşünülmektedir ve makalede de tarih metodolojisi kullanılmıştır.

Pek çok çalışmada Kafkas tarihi ile uzun bir dönemde bu coğrafyaya egemen olan güçler incelenmektedir. Ancak etnik yapıların bozulmaması ve birbirlerinden etkilenmeden ama birbirlerine de bölgesel çatışmalar hariç tutulmak üzere düşmanlıklar beslemeden bu coğrafyada farklı kültür gruplarının bir arada yaşam sürmeleri sorunsalına tarih metodolojisi içinde çok kültürlülük teorileri ile beraber bakılması nadir çalışmalarda görülmektedir.

Temel olarak müsamaha ve hoşgörü ile temelendirilen çok kültürlülük teorisi içinde etnik yapılar incelendiğinde çok kültürlülüğün alt elemanları olan entegrasyon, asimilasyon, milliyetçilik gibi politikalara rastlanılmaktadır.² Bu politikaların hepsi de genel çerçevede toplumların türdeşleşmesine ya da başka bir deyişle küçük ve farklı grupların başat unsura benzeşmesine/benzeştirilmesine hizmet edecek türdendir ve dünya toplumlarına bakıldığında bu politikalarından hepsinin de bir dönem ve bir şekilde faydalandığı görülmektedir.

Ancak Kafkaslar bunların hepsinin dışında tu-

¹ John E. Farley, *Majority-Minority Relation*, Prentice Hall, New Jersey, 1982, s. 78.

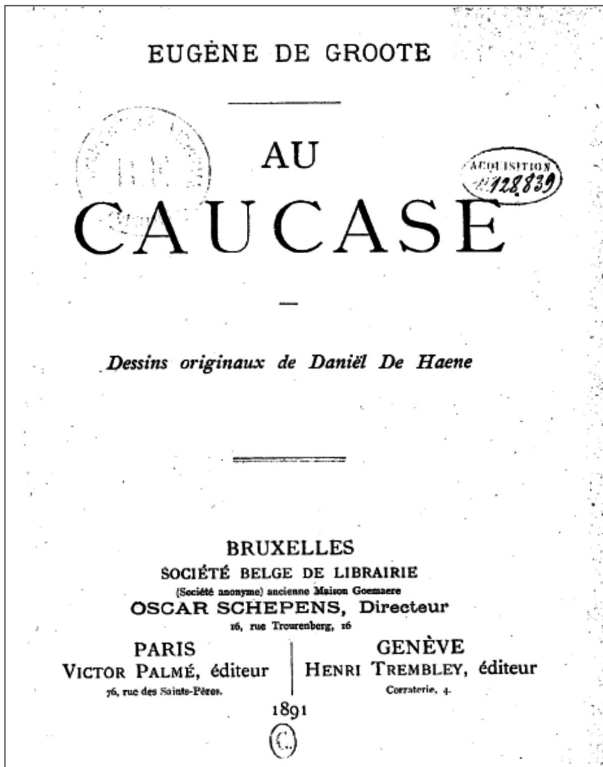
² Simpson Yinger, *Racial and Cultural Minorities*, Herper&Brothers Publishers, Newyork, 1958, s. 145.

tulmalıdır. Çünkü bu politikaların hiç birisi bu coğrafyada etkili olmamıştır. Bunun da tarihi süreç içinde dönemsal hâkim güçlerin uyguladıkları yönetim politikaları ile ilgisi vardır.

Bu bağlamda Kafkaslarda değişik dönemlerde uygulanan etnik politikaları ve bıraktığı etkileri ortaya çıkarmak için tarih metodolojisi kullanılarak incelemek yerinde olacaktır. Burada kullanılan tarih metodolojisi Kafkaslarda değişik dönemlerde inceleme yapan gezgin ve misyonerlerin gördükleri izlenimlerdir. Bu gezginlerin içinde 1859'da Kafkasları dolaşan Aleksandre Dumas³, 1890'da Belçikalı Jules Leqlarc⁴'in izlenimleri önemli doneler verebilmektedir. Bu çerçevede gezginlerin 19. Yüzyılda yaptıkları geziler incelendiğinde Kafkas halklarının köken kültürlerini ve etnik yapılarını nasıl koruyabildikleri görülmektedir. Çalışmada da aynı metodolojiye devam edilerek 1880'de bir misyonerin gezi notlarına ve 1890'da bir gezginin yaptığı Kafkaslar incelemelerine ulaşılmış ve tercüme edilerek sorunsala tarih metodolojisi içinde farklı bir bakış açısı getirilmeye çalışılmıştır.

Eugene de Groot'e'un Kafkas gezisi ve Gürcistan İzlenimleri

Avrupalı coğrafyacı ve sosyoloji uzmanı olan Eugene de Groot'e Afrika gezisinin hemen ardından 1891 yılında Karadeniz'in batı limanlarından bir gemiyle Navarosiske gelmiştir. Ardından da kara ve deniz yoluyla

Batum'a ulaşmış ve Tiflis üzerinden bütün Kafkasları dolaşmıştır. Kafkaslarda yaşayan bütün toplulukların neredeyse tamamını yerinde incelemiş ve onların yaşamları, kültürleri, ekonomik yapıları ile ilgili değerli notlar olarak geriye dönmüş ve izlenimlerini bir kitapta toplayarak aynı yıl içinde yayınlamıştır. Kitabı "Au Caucase" yani "Kafkaslarda" ismiyle yayınlandığında çok az kaşifin gezdiği ve çok insanın merak ettiği bu coğrafyayı anlatması nedeniyle çok büyük bir ilgi toplamıştır. Kitabın içinde yer alan Batum-Tiflis yolculuğu ve Tiflis-Oset gözlemleri tercüme edilerek makale haline getirilmiş ve sunulmak üzere hazırlanmıştır.⁵

Karadeniz'den Batum'a Çıkış

Kuzey Kafkasları dolaşarak Navorosisk'e geldik ve koyu mavi sulara bizi bekleyen gemiye hemen bindik. Sakin sulara başlayan yolculuğumuz kıyıya paralel devam ederken uzun saatler boyunca kıyı boyunca uzanan uzun Kafkas yeşili çam ağaçlarının ve geride zirveleri karlarla kaplı dağların doyumsuz güzelliklerini seyrettik.

Bu şekilde çevremde dans eden mavi ve yeşil renkli muhteşem manzaralara dalıp gittik. Ne kadar süre geçtiğini unutmuştuk. Ilık ve temiz hava ciğerlerimize dolup bütün vücudumuza yayılıyordu. Bir süre sonra uzakta eski bir Pers şehrinin andıran bir şehir görüldü. Yaklaştıkça yeşillerin arasında kırmızı çatıları, beyaz duvarları ve inançlarını simgeleyen minareleri görünmeye başlamıştı. Oldukça yaklaşın-

⁵ Eugene de Groot'e, Au Caucase, Societe Belge de Librairie, 1891, Bruxelles.

ca da denize bakan kıyı hattı boyunca taş duvarlar ve üzerinde beyaz üniformalı silahlı askerler net olarak görünmeye başlamıştı. Yeni durağımız beklediğimiz gibi burasıydı. Artık Batum'a ulaşmıştık. Batum. Yani Karadeniz'i Hazar'a bağlayan demiryolunun başlangıç noktası! Heyecan vericiydi. Çünkü bu hat üzerinde yolculuk yaparken birbirlerinden oldukça değişik topluluklar görecektik. Önce Lazlar ve İmerililer, ardından Kutaisliler ile Migrelililer ve sonra da merkezleri Tiflis olan Gürcüler ile karşılaşacaktık. Bu bölgedeki toplulukların içinde sadece Elbruz'un derin vadilerinde yaşayan Suareleri göremeyecektik.

Batum. Her milletten gelen insanlardan oluşan bir şehirdi. Uzun bir dönem Türklerin elinde kalmış ama yakın zamanda Ruslarla yaptıkları savaşı kaybedince savaş tazminatı olarak onlara verilmişti. Barış ortamının sağlanmasından sonra da her yeni kurulan şehirlere olduğu gibi burası da dünyanın her yanından insanların akınına uğramıştı. Bu sayede Avrupalılar ile Asyalılar şehirde kurulan fabrika ve iş yerlerinde birbirlerine karışmışlardı. Ancak şehirde kadın eksikliği çok fazlaydı. Çünkü şehrin yeni limanına sadece erkekler çalışmak için gelmekteydi. Buradaki sokaklar geleneksel Kafkas sokaklarıydı ve her tipten Kafkasyalıya rastlanıyordu. ⁶Ama en çok da gruplar halinde dolaşan Lazlar göze çarpılmaktaydı. Uzun boylu, esmer, neşeli insanlardı ve başlarına taktıkları siyah, bazen de kahverengi türbanlarıyla hemen tanınmaktaydılar. Altlarında uzun, bol siyah pantolon, üzerlerinde ise genellikle siyah ve sarı işlemeli mantolar vardı. Bellerindeki kuşaklarında çoğunlukla namlusu yere bakacak şekilde uzun namlulu tabancalar yerleştirilmişti. Bu şekilde onları tanımayan birisi korsan ya da haydut gördüğünü zannedebilirdi.

Şehrin her tarafı meyve bahçeleriyle çevrilmişti. Burası bölgenin en verimli yeri idi. Bütün ağaçlar meyve ile doluydu. Gündüzleri şehrin her tarafına kurulan pazarların sesleri yankılanıyordu. Akşamları ise işten çıkan erkeklerin eğlence zamanı başlıyordu. Her sokakta irili ufaklı barlar ve eğlence yerleri açılıyor ve sabahın ilk ışıklarına kadar bu insanlara her türlü hizmeti veriyordu. Gece boyunca sokaklar eğlenceli müzik sesleriyle yankılanıyordu.

Batum'dan başlayan demiryolu ile yola koyduğumuzda geniş buğday tarlalarının aralarından geçmeye başladık. Uzun bir süre boyunca insan görmedik ve ardından daha yeşil bir alan olan İmeriti bölgesine girdik. Burada çok fazla insan vardı ve her istasyonda ellerinde meyve sepetleriyle genç,

güzel kızlarla karşılaşmaya başladık. Hepsi de temiz ve güzel giyimli, uzun saçlı ve neşeli insanlardı. Bu şekilde gününü yarisından fazla bir süre gittikten sonra nihayet ana istasyonlardan birisi olan Mingreli'ye ulaştık ve tren yavaşlayarak gara girdi. Bu arada görevliler de trenin içinde bağırırmaya başlamışlardı (yarım saat mola!).

İner inmez bir anda karşımıza muhteşem bir kültür çıkmıştı. Bir tarafta renkli giysiler içinde orta yaşlı bir Mingreli omzunda muhteşem bir şahin ile yaşlı ve uzun beyaz sakalları olan bir kişi ile sohbet ediyor, diğer tarafta bir grup geleneksel Kafkas giysileri içinde Kafkas savaşçıları şeflerinin onuruna kadeh kaldırıyorlar ve naralar atıyorlardı. Çevremizde ise çok sayıda rengârenk giysiler içinde bir şeyler satmaya çalışan genç Mingreli kızları vardı. Çoğunun elbisesi kırmızı desenlerle bezenmiş ipekti. Güneş ışığında gözümüzü alacak kadar parıldıyorlardı. Yarım saatlik mola bu güzellikleri görmeye yetmeyecekti. Bu yüzden her saniyesini değerlendirdik ve ardından trenin sireni ile beraber kondüktörün "yolcular! Herkes vagonlarına. Şimdi yolumuz Kutais'e!" bağıırışı geldi.

Akşama kadar muhteşem bir yol üzerinde ilerledik. Vadiler, taşkın yapmış nehirler hepsi burasının büyük bir verimliliğe sahip olduğunu gösteriyordu bize. Arada bir de konvoylar halinde at arabalarıyla giden Gürcü köylülerini görüyorduk. Erkekler uzun boylu ve güçlü fizikli, kadınları ise narin ama dayanıklı ve çok güzellerdi. Siyah saçları, kara gözleri dikkat çekiciydi. Ama sanki bir heykel traşın bıçağıyla yapılmış gibi son derece kusursuz burunları, kırmızı biçimli dudakları onlara muhteşem bir güzellik katmaktaydı.

Gürcü pazarları da çok ilginçti. Genellikle bu pazarlar köylüler ve onların yetiştirdikleri malzemelerle tanımlanmaktaydı. Burada Kafkas köylüleri, Lazlar ve Gürcüler direk olarak giyim şekilleriyle birbirlerinden kolaylıkla ayrılabilirdi. Hemen hemen hepsi de buraya yetiştirdikleri ürünleri getirip gün boyunca satışa sunuyorlardı. Mingreli toprakları bir zamanlar krallıktı ve çok sayıda prens ve prenseslere sahipti. Ancak Rusların bu toprakları ele geçirmesiyle beraber krallıkları da ortadan kaldırıldı ve Rus hakimiyeti altına geçtiler. Ardından da Krallıkla beraber prens ve prensesler de etkisizleştiler.

Kompartımanımnda nazik bir bey ile çok güzel bir bayan vardı. Bir süre hep beraber sohbet ettik ve bu sohbet ile Gürcülerin ne kadar kültürlü ve ki-bar insanlar olduğunu anladım. Küçük bir kasaba girişindeki gara geldiğimizde yanımızdaki bayan bize iyi günler dileyerek indikten sonra baş başa kaldığımız beyden onun çok köklü bir aileden gelen

⁶ Resim. 1890 yılında Kafkasyalı.

bir prenses olduğunu öğrendim ve çok şaşırđım. Artık gece olmuştu ve karanlık pencereden dışarıya bakarak bir süre düşüncelere daldım. Neden sonra sanırım gece yarısı olduğunda tren büyük bir gara girerek durdu. Son istasyona ulaşmıştık. Kafkasların merkezindeydik artık. Tiflis!⁷

Muhteşem bir doğa ziyafetinden sonra Tiflis⁸ ilk anda bize taş yığını halinde tek düze bir şehir gibi görünmüştü. Her şey taşı. Duvarlar, saraylar, binalar ve yollar, köprüler. Bütün şehir bu şekilde taş duvarlarla çevrilmişti. Geniş basamaklarla çıkılan sokakların her iki tarafına sıralanmış mağazalar vardı. Paris, İngiliz ve Sen Petersburg ürünlerinin en son moda olanlarını sergiliyorlardı. Tiflisliler Kafkaslardan çok Avrupalılara benzemektedirler.

Üzerlerindeki son derece şık giysilerin neredeyse tamamı Avrupa'da ünlü mağazalarda üretilmişlerdi. Tabii ki bazı pahalı markaların da Çerkez terziler tarafından sahtesinin üretildiği de göze çarpıyordu. Tiflisli Gürcülerin en önemli özelliği çok neşeli olmalarıydı. Eğlenmeyi seviyorlardı ve müzik ve şarap onların vazgeçilmeziydi. Bölgenin en önemli şarap alanı Kaketi idi ve burada yetiştirilen üzümlerden yapılmış olan şaraplar muhteşemdi. İçki onlar için vazgeçilmez bir yaşam malzemesiydi.

Bu nedenle sayısız miktarda değişik içki türleri ve likörler vardı ve hepsi de çok güzel tatlara sahipti. Her tarafta benzer eğlence yerleri geceleri sabaha kadar devam eden eğlence sunuyordu. Sayısız içkilerin tüketildiği bu yerlerde flüt, tambur ve birkaç gitardan oluşan orkestra melankolik bir müzik çalmaktaydı. Daha lüks olan yerlerde de bu orkestralara bayan şarkıcı eşlik edilmekteydi. Eğlenen insanlar bir süre sonra içkinin de etkisiyle bütün Kafkaslarda çok bilinen bir lezgi oyunu olan Lezginka oynamak için sahneleri dolduruyorlardı..

⁷ Resim: 1890 yılında Tiflis.

⁸ Tiflis'den karakalem bir görünüş çizimi.

Bu merkezlerin en ünlüsü Avrupa Bahçesi idi. Haftanın belli günlerinde burada büyük eğlenceler tertiplenmekteydi. Eğlence gecesi Tiflis'in en ünlü ve zengin aileleri burada buluşurdu. Bayanların hepsi yüzlerine güzel maskeler takıyorlardı. Bütün gece Lezgiska ve diğer Kafkas yerel dansları çalmakta ve birçok dansçı buradaki sahnede hünerlerini sergilemekteydi. Bu bahçenin her eğlencesi dillere destan olacak kadar muhteşemdi.

Tiflis sadece Kafkas halklarının toplandığı bir şehir değildi. Buraya dünyanın neredeyse her yerinden insanlar da gelmekteydi. Ermeniler kendilerini üstün gören ve oldukça şişman insanlardı. Kolayca seçilebiliyordu. Tatarlar kısa ama oldukça enerjik yürüyen yerlerinde duramayan tiplerdi. Başlarına değişik renklerde boneler takarlar ve hepsi de yün yelekler giyerlerdi. Ayrıca şehirde çok sayıda İranlı da vardı. Uzun sakallarıyla ve uzun başlıklarıyla kolayca tanınırdı. Şehirden çok dağlarda yaşayan ve iş için şehre gelen tiplere benzemektedirler. Şehirde kurulan pazarlar aslında dağınık yapıda değildi. Her iş alanı belli yerlerde gruplanmıştı. Demirciler burada çok önemliydi. Çünkü ünlü Kafkas silahlarını, hançerlerini ve kılıçlarını imal eden önemli ustalardı. Bunun yanı sıra mücevherciler de ünlüydü. Burada çalışan ustalar hem kadınlar için paha biçilmez ziynetler, hem de muhteşem silah kabzaları imal etmekteydiler.

Ancak üretilen malzemeler sadece burada satılmaktaydı. Yani dünyanın en büyük pazarlarına sahip olan İstanbul pazarlarına gelenler bu eserlerin hiç birisine rastlayamazdı. Pers evleri çok güzeldi. Odalarda divanlar ve üzerlerinde muhteşem renklerde Pers halıları vardı. Benzer kullanım şekli Dağıstanlılarda da vardı. Onlar da Pers halılarının benzerlerini üretmekteydiler. Ama onların ki daha renkli ve değişik desenliydi.

Tiflis'in dışı köylerle kaplıydı. Burada yaşayan köylüler genellikle tarım, bahçecilik ve büyük baş hayvan yetiştiriciliği işleriyle uğraşmaktaydılar. Özellikle besicilik aile mesleğiydi ve onlar için çok önemliydi. Bu köylüler şöyle demektedirler.

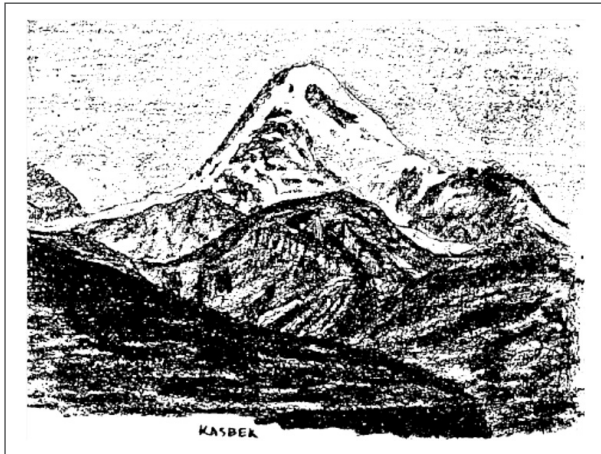
"Ne kadar çok hayvanım varsa o kadar zenginim demektir. Babam bana on hayvanlık bir sürü bıraktı ve eğer ben bu sürüyü on beş hayvana çıkarırsam ondan daha zengin oldum demektir".

Bunun yanı sıra şehrin dışında yaşamak da zordu. Genellikle çiftlikler ve yolculuk yapanlar kurt sürülerinin acımasız saldırılarına uğramaktaydı.

Köylüler çok konukseverdi. Gündüz yolculuk yapanları gece dışarıda kalmamaları için misafir ederlerdi. Akşamları yemekler yenir ve sonra şöminenin başında içkiler yudumlanır ve sohbetler edilirdi.

Tiflis'te şaraplarının tadına varacak ve muhteşem eğlencelerini görecektik kadar kaldık ve neredeyse bütün Kafkas halklarının toplanmasının verdiği avantaj ile Kafkas topluluklarını bir nebze tanıdık. Artık yola çıkma zamanı gelmişti ve güçlü atların çektiği sağlam bir araba kiralarak Kafkasların en önemli yeri olan ünlü Kazbek dağının kenarında yer alan Darial boğazının keskin arazilerinde kendilerini diğer topluluklardan soyutlamış olarak yaşayan Osetlerin yaşam alanına doğru yola çıktık. Gerçekten Darial'a uzanan yol çok zorluydu.⁹

Altı saatten fazla süren zorlu bir yolculuk yapmak zorunda kaldık. Osetler. Yüzyıllarca burada yaşayan ve kendi özelliklerini hiç kaybetmemiş olan bir halktı. Onları çok merak eden birçok uzman, kökenlerini araştırmak ve onları tanımlamak için defalarca ziyarete gelmiş, ancak çok net sonuçlar elde edememiş. Onlar kısaca Darial'in içinde ve dağların arasında sayısı bilinmeyen iptidai köylerde yaşayan yarı vahşi bir topluluklardı. Tahminen bin Oset olduğunu yolculuk esnasında öğrendik. Kısa bir süre gözlemlese de onların dillerini ve geleneklerini anlayamadık ve köklerinin nereye uzandığını biz de çözemedik. Ancak ilginç bir şekilde onların diğer Kafkas topluluklarıyla dil, kültür, giyim ve yaşamsal özellikler bakımından hiçbir benzerliğe sahip olmadıklarını tespit edebildik.

Özellikle Darial boğazının tam anlamıyla Rusların eline geçmesinin ardından daha da izole olmuşlar ve Rusların boyunduruğunda adeta kabuklarına çekilir gibi köylerine sığınmışlardı. İnanç bakımından da düzenleri yoktu. Bir kısmı putperestken

bir kısmı Hıristiyan ve Müslümandı. Ama bu farklılık aralarında uyumsuzluğa neden olmuyordu. Bir köye girdik ve bir evde konuk olduk. Anlaşmasak da onlarla yemek yedik ve şarkılarını dinledik. Bizi getiren Tiflisliden aldığımız bilgiye göre bir zamanlar Kafkasların en çok korkulan ırklarıydı onlar. Ama Darial boğazını ele geçiren Ruslar Osetleri tamamen pasifize etmişlerdi. Bir süre daha gözlemlerde bulunduktan sonra Hazar'a doğru uzanan derin vadilere yönelerek yolumuza devam ettik.

Kapusen Misyoner J. B. Marengo'nun Gürcistan'da Hıristiyanlık Gözlemleri

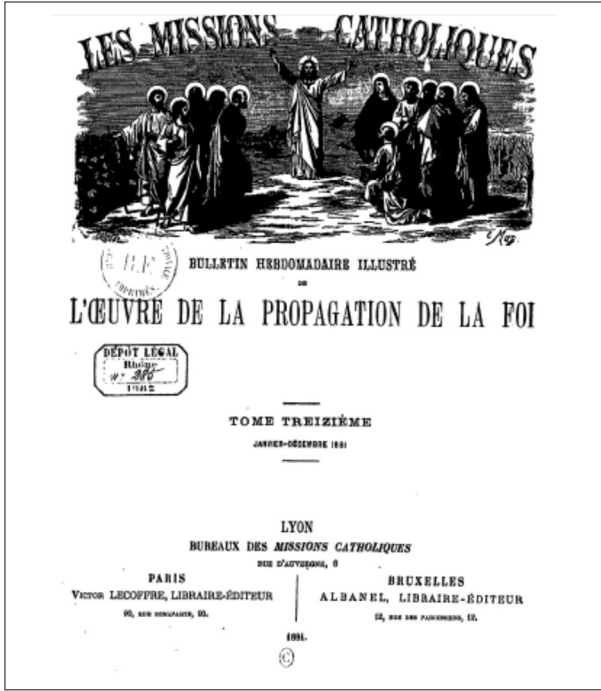
Eugene de Goote ile yakın dönemde 1880 yılında Kafkasları gelerek Gürcistan coğrafyasını etnik ve inanç yönünden inceleyen bir diğer gezgin misyoner de İspanya papalık konsülü yardımcısı olarak görev yapan Kapusen misyoner J. B. Marengo'dur. Marengo Gürcistan topluluklarını dönemsel olarak bir yıla yakın mercek altına almış ve geriye döndüğünde notları Misyonerler ofisi tarafından "Les Missions Catholiques" adı ile misyonerlerin izlenimlerinin birleştirildiği kitaplar serisinin 13'üncüsünde toplanmıştır.¹⁰ İzlenimlerinin tercümesi şu şekildedir.

Burası antik tarihçilere göre İberie, modernlere göre de Gürcistan olarak isimlendirilmektedir burası. Eski dönemlerin oldukça büyük bir krallığıdır bu topraklar. Doğuda günümüz Tebriz'ine (eski dönemlerin Ecbatane) kadar uzanmış, Batıda ise Kars, Trabzon ve Erzurum sınırlarına kadar ulaşmıştır. Kuzeyde ise Hazar'a ve Karadeniz'e sınır oluşturmuştur. Ancak bu çok eskilerin sınırlarıdır. Uzun bir dönemde zayıflamış, Persler, Ruslar ve Osmanlılar birçok bölgeyi ele geçirdikten sonra sınırları sadece Karadeniz ve Hazar arasına sıkışmıştır. Bu sınırlar içinde Gürcistan belli bir süre İmeriti'nin merkezi Kutais'ten yönetilmiştir. 1424'te kral Alexandre ülkeyi üçe bölmüş ve üç oğluna paylaşmıştır. Büyük abileri babalarından sonra her üç bölgenin de sahibi olsa da diğerleri ona isyan ederek bağımsızlık ilan etmişler ama kısa sürede Pers ve Türk hâkimiyetine girmişlerdir. 1586'da Gürcistan Kralı Pers ve Türk boyunduruğunu ortadan kaldırabilmek için bir destek aramış ve Ruslarla anlaşmıştır. Ruslar da onlarla beraber olarak güney Kafkaslara nüfuz etmeye başlamışlardır. Ancak esas bağ 1589'da Rus Çarının

⁹ Resim: Kazbek dağına ait bir çizim.

¹⁰ Les Missions Catholiques (L'œuvre de la Propagation de la Foi), Tome: 13, J. B. Marengo, Le Caucase, Moeur, Coutume, Usage et Religion des Peuple de ces Contree, Bureaux des Missions Catholique, Lyon, 1881.

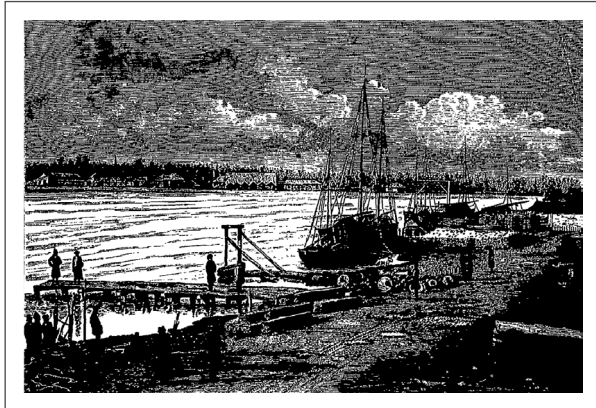
İran ile yaptığı savaşta Gürcü ve diğer Kafkas topluluklarından destek almasıyla oluşmuştur. Bu bağ sayesinde Ruslar Gürcistan üzerinde önemli bir

baskı oluşturabilmiştir.

Birkaç yüzyıl sonra 1783'te artık Ruslar Gürcistan topraklarında tam hâkimiyet oluşturmuştur. 1880'ün hemen başında Alexandre'ın oğlu Giorgi ölmüştür ve Ruslar hemen Gürcistan'ın artık Rus Çarının toprağı olduğunu açıklamış ve buraya bir vali göndererek Petersburg'tan ülkeyi yönetmeye başlamıştır. Bunu kabul etmeyen Gürcülerin bir kısmı isyan etse de güçleri Ruslara karşı direnmeye yetmedi ve Ruslar İmeriti, Mingreli ve Tiflis civarlarını kolayca ele geçirdiler. Şimdilerde Rus çarının naibi olarak Çarın kardeşi büyük dük Michel onun adına Tiflis'ten ülkeyi yönetmektedir.¹¹

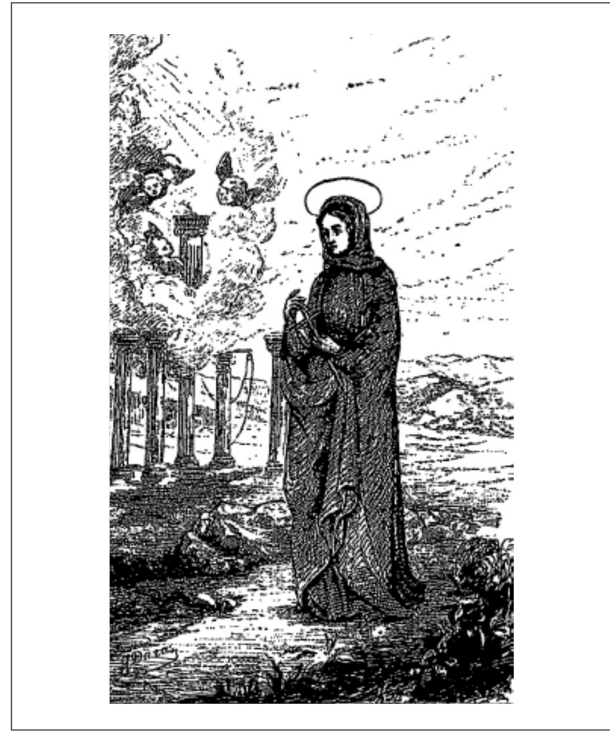
Karadeniz ile Hazar arasına sıkışmış olan Gürcistan Kuzeyde ve güneyde de yüksek dağların arasında kalmaktadır. Doğuda Kars'a kadar, Güneyde

¹¹ 19. Yüzyılda Poti Limanı. Karadeniz.

Karabağ'daki Sevan gölü ile Erivan'a kadar uzanmaktadır. Ülkenin başkenti Tiflis, bu geziyi yaptığım dönemde 70.000 kişilik bir nüfusa sahipti. Gezdiğim diğer şehirleri şöyleydi.¹²

Akhaltzike 25.000, Alexandropol (Gümrü) 16.000, Nouka 16.000, İmeritie ve Kutais 15.000, Elisabetpol 15.000, Erivan 12.000, Nokschivan 12.000, Baku 10.000, Gori 8.000, Drrbent (Dağıstan sınırlarında) 11.000, Kuba 8.000, Signak (Kaketi sınırlarında) 5000, Zugdidi (Mingreli sınırlarında) 6.000, Redout Kale 5.000, Poti 8.000, Bombori (Abazya sınırlarında)

5.000, Sokonm Kale 6.000, Gagra 1.800'dür.

Bunun yanı sıra Gürcistan'da kilise yapısı çok zayıftır ve bu yüzden ne kadar araştırılsa da kesin bir cevap vermek oldukça güçtür. Bu ülkede Hıristiyanlığın yayılmasını ve kendisine taraftar bulmasını açıklayan dokümanlar da oldukça sınırlı ve eksiktir. Mevcut mektup ve notlar da yangın ve sel felaketlerinde yok olmuştur. Bu yüzden kesin sonuçlara ulaşmak için her yeri dolaşmak ve detaylı hikâyeler dinlemek ve bunların içinden doğru ve yanlışları ayırmak gerekmektedir.

Yalnız bu topraklarda çok uzun zaman boyunca Avrupalı din adamlarından habersiz şekilde İsa'nın kutsal sözlerini duyurmaya çalışan papazlar oldu. St Clement'e göre bildiğimiz tek bir şey var aslında. O da Kafkaslarda kendisini Hıristiyanlığa adanmış bir köle ilk defa İsa'nın sözlerini buralarda yaşayan halklara duyurmaya başlamış olduğudur.

¹² Resim: 1880 yılında Kutais'ten bir görünüm.

Yalnız hiçbir kaynakta ismi geçmemektedir.

Bir kısım kaynaklara göre de bu köle aslında bir kızdı ve adı da Nina idi. Muhtemelen Romalı İmparator Maksimilien döneminde 4. Yüzyılda yaşamıştı. Bu kız ile Maksimilien arasında geçen ve evliliğe kadar uzanan değişik hikâyeler efsane gibi yayılmıştır. Buna göre Maksimilien'i inandıran bu kız bakirelerden oluşan bir grup kurdu, onları eğiterek Kudüs'e gitmişti.¹³ Ardından da Filistin ve Anadolu üzerinden Ermeni topraklarına gelmişlerdi. Bu aslında bir kaçıştı. Romalılar onları her yerde aratmışlar ve en sonunda burada olduklarını tespit etmişlerdi. Bu tespitten ardından Ermeni Kralı Tiridate'a mektup yazılmış ve kızları geri göndermesi istenmişti. Ermeni Kral, Nina ve yanındakileri merak etmişti ve onları buldurmuştu. Nina'nın kendisiyle evlenmesini istemesine rağmen genç kız kendisini Tanrı'ya ve İsa'ya adadığını söyleyerek Kralı ret etmişti. .

Bunun üzerine Kral hepsine çok ağır cezalar vermeye başlamıştı. Bir süre sonra Nina Ermenilerin elinden kaçarak daha kuzeye çıkmış ve Gürcistan topraklarına ulaşmıştı. Buradaki halk onu sevgi ve saygıyla karşılayınca buradan ayrılmamış ve kendisini Hıristiyanlığı yaymaya adanmıştı. Gürcistan'da efsanelere ve hikâyelere dayansa da Saint Nina önemli bir kutsal inanç figürü olarak kalmaya halen devam ediyor.

Sonuç¹⁴

Görüldüğü üzere 18. Yüzyıldan itibaren Avrupalı çok sayıda gezgin ve Katolik din adamları Kafkasları ziyaret etmiştir. Dönüşlerinde de gözlemleri ile

¹³ Resim: Saint Nina.

¹⁴ Resim. 1890'da Karadeniz Poti limanı.

ilgili değerli bilgileri içeren notlarını toplayarak okuyuculara ve kendi bilim merkezlerine sunmuşlardır.

Bu gezi raporları o dönemde ülkeleri yönetenler ve Kafkaslarda ya da diğer doğu topraklarında çıkarları olan ülkeler için çok değerli veri kaynağı oluşturmuştur. Bu sayede girilmesi ve daha da önemlisi belli bir süre kalınması oldukça zor olan bu topraklar Avrupalı devletler tarafından çok iyi bilindik yerlere dönüşmüştür. Diğer taraftan biz araştırmacılar açısından bakıldığında dönemin gerçek resminin ortaya konulması bakımından da çok önemlidir. Açıkçası bu tür gezi rapor ve kitapları sayesinde genel insanlık tarihinin karanlık köşelerine ışık tutmak mümkün olmaktadır.

Bu açıdan bakıldığında makalede tercüme edilmiş kitap bölümü ve misyoner raporu 19. Yüzyılın son çeyreğine ışık tutmaktadır. Kafkaslardaki çok kültürlü yaşamın dinamikleri, barış ortamı ve ticari ve sosyal yaşamı gözler önüne serilmektedir. Misyoner raporunda ise dikkat çeken şey, Katolik inanç yapısının misyoner tarafından üstün tutulmaya çalışılması ve Kafkaslardaki değişik inanç gruplarının içinde Hıristiyan Ortodoksluğunun eridiği görüşü vardır. Ancak yine de Hıristiyanlığın ilk yıllarının ardından Kafkaslardaki gelişimine ışık tutmaktadır.

Sonuç olarak Kafkaslar iki kıtanın girişi ve çıkışı kapısı özelliği nedeniyle çok kültürlü heterojen bir topluma sahiptir. Çok uzun bir dönem bu topluluklar birbirleri ile barış içinde yaşamıştır. Yakın geçmişte değişik problem sahaları olsa da günümüzde de bu özel yapı kendisini korumakta ve temellerinde var olan bir arada yaşama özelliği, göreceli dengelerin bozulduğu dönemler yaşansa da yeniden iç dengesini bulabilmektedir.

Kaynakça

1. DUMAS, Alexandr Au Caucase, Pere, (1858), Çeviren. Haktan Birsell, Kafkaslar, IQ Press, 2015.
2. GROOTE, Eugene de, Au Caucase, Societe Belge de Librairie, 1891, Bruxelles.
3. FARLEY John E., Majority-Minority Relation, Prentice Hall, New Jersey, 1982, s. 78.
4. LECLERQUE, Jules Joseph, Du Caucase aux Mont Allai, Çeviren Haktan Birsell, Kafkaslar ve Orta Asya, IQ Press, 2016.
5. MARENGO, J. B. Les Missions Catholiques (L'œuvre de la Propagation de la Foi), Tome: 13, Le Caucase, Moeur, Coutume, Usage et Religion des Peuple de ces Contree, Bureaux des Missions Catholique, Lyon, 1881.
6. YINGER, Simpson Racial and Cultural Minorities, Herper&Brothers Publishers, Newyork, 1958, s. 145.

Об авторе:

Хактан Бирсель, Phd, вице-ректор Университета Кипра, г. Левкосия, Кипр, haktanbirsell@gmail.com

About the author:

Haktan BİRSEL, Assoc. Prof., Onbes Kasım Kıbrıs University, Vise Rector, haktanbirsell@gmail.com

УДК 94(470.41+420).08:323.2(045)
ББК 63.3(2)521

Виноградов А.В.

«Битва за Трубеж»: ранние формы борьбы с промышленным загрязнением в Российской Империи на примере Переславля (1846-1856)

Статья посвящена рассмотрению одного из ранних региональных конфликтов, вызванных промышленным загрязнением и связанного с порчей воды в реке Трубеж красильными предприятиями города Переславля. На основании сохранившихся материалов делопроизводства показано, как горожане, крестьяне, чиновники и промышленники взаимодействовали друг с другом в отсутствие точных экологических норм, как они оценивали экологический ущерб, и какое значение подобные конфликты имели для последующего развития российской экологической политики.

Ключевые слова: промышленное загрязнение, экологическая политика, экологическое законодательство, Российская империя, XIX век, Владимирская губерния, Плещеево озеро, река Трубеж

Vinogradov A.V.

The battle for the Trubezh: early forms of struggle with industrial pollution in the Russian Empire on example of Pereslavl' (1846-1856)

The article is devoted to the one of the earliest regional conflict, related to industrial pollution in Russia, which was caused by pollution of water in the River of Trubezh by dyeing factories in Pereslavl' and reduction of fish catches in the Pleshcheevo lake. It is shown how citizens, peasants, officials and industrialists interacted to each other in conditions of underdevelopment of appropriate sanitary rules, how they estimated the damage, and how such conflicts influenced further development of environmental legislation.

Keywords: industrial pollution, environmental policy, environmental legislation, Russian Empire, 19th century, Vladimir Province, Pleshcheevo lake, Trubezh river

Благодарности. Исследование проведено в рамках проекта «Борьба с промышленным загрязнением окружающей среды в Российской империи (1850-1917)», поддержанного Германским историческим институтом в Москве. Автор благодарен сотрудникам Института за предоставленную возможность работы в архивах Санкт-Петербурга.

In February 1848, the Vladimir governor Petr Donaurov addressed the Minister of Internal Affairs of the Russian empire Lev Perovsky with the letter in which he reported about the conflict erupted two years earlier in the district town of Pereslavl. City dwellers complained to the Vladimir Provincial Board about dyeing factories of merchants Vasili Gladkov and Alexei Chechelev which were built in the city on the bank of Trubezh river (see figure 1). They accused the factory owners of an

unprecedented deterioration of the river water, which acquired unnatural color and bad smell, becoming unsuitable for economic needs and, moreover, for drinking. This caused considerable inconvenience to the townspeople due to the lack of alternative water sources. However specific peasants of the Rybnaya sloboda situated within the town were even more concerned: in their opinion dyeing factories killed famous Pereslavl vendace in the lake Pleshcheev. By 1846 the volumes of its

catch decreased so much that fishermen and their families risked to lose the catch that had centuries-old history and to remain without livelihood.

At the same time, the closure of the factories could hardly have been a suitable solution. The Gladkov's and Chechelev's factories were important facilities of the region and contributed significantly to the development of the city. In addition, they provided income for several hundreds of inhabitants of Pereslavl and surrounding villages, who, in case of closure of production, would have suffered as much as peasants of Rybnaya Sloboda from the fish pestilence. In the first half of the 19th century it was especially difficult to solve such a conflict because neither Russian legislation nor science could provide ready solutions for pollution crises. It is not surprising that in two years complaints of Pereslavl citizens did not bring them any results and were submitted at the decision of the Ministry of Internal Affairs.

The conflict around the dyeing factories on

the Trubezh river was far from unique: in the 19th century, all industrialized countries faced similar problems that pushed them to form a systematic environmental policy and develop common principles for regulating the sanitary condition of industrial sites. As Sarah Wilmot noted, they were formed during the numerous "local battles" between industrialists and urban communities¹ – the experience of each of them contributed to the improvement of mechanisms of industrial pollution control.

One of the first environmental conflicts with industrialists occurred in Western European countries, including France, where in 1772 the John Holker's chemical works was accused of air

¹ Wilmot S. Pollution and public concern. The response of the chemical industry in Britain to emerging environmental issues, 1860-1901 // The chemical industry in Europe, 1850-1914. Industrial growth, pollution, and professionalization / Ed. by E. Homburg, A.S. Travis, H.G. Shroter. – Dordrecht: Springer, 1998. – P. 121-148.

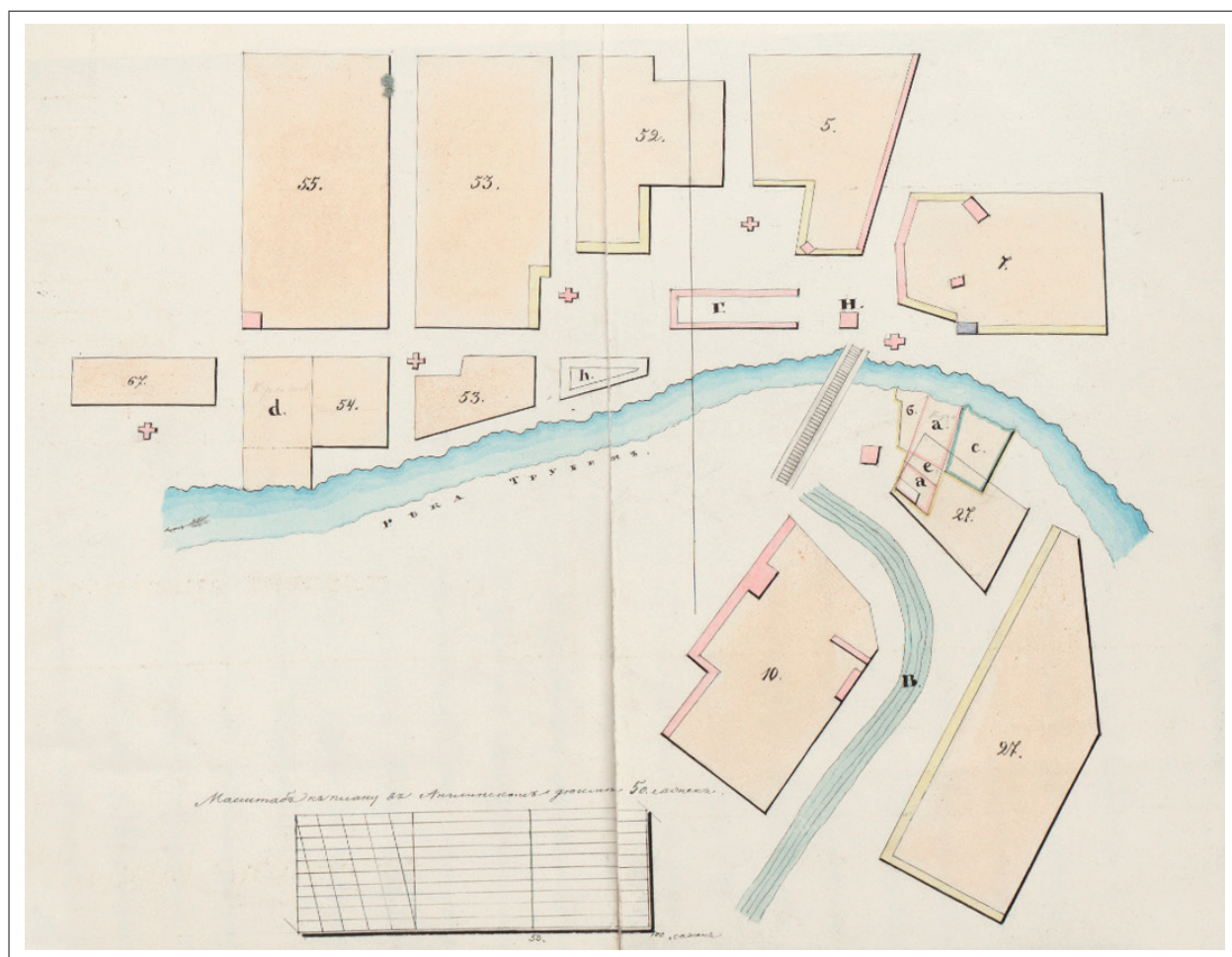

Figure 1. The map Pereslavl with the indication of the factories of Gladkov and Chechelev (a, b, c, e, d), the Trubezh river and living areas (5, 7, 10, 27, 52-55). Source:RGIA, f. 1287, op. 39, d. 1261, l. 14a-ob, 14b.

damage². In the 1820s, British citizens demanded to stop air pollution by the chemical works of James Maspret in Liverpool³ and John Henry Vivien's copper smelters in Swansea⁴. In Germany, problems of rivers contamination with industrial wastes from dyeing factories began to attract wide public attention in the 1860s⁵. Such "battles" may have had different outcomes depending on local conditions: while in some cases the factories' owners were forced to move them to new, more remote locations, in others the factories won the right to "proudly rise up in the city centre"⁶.

In the second half of the 19th century, the Russian Empire was one of the most rapidly growing economics in the world. Obviously, the environmental costs of dynamic economic growth were also significant. Nevertheless, the problem of environmental pollution in pre-revolutionary Russia is one of the most neglected topics in Russia's environmental history – some of its aspects were considered only in the works by Anna Mazanik⁷, Andrei Davydov⁸ and Grigory Afanasyev⁹, devoted to Moscow and St. Petersburg. However, the sanitary and environmental situation in these two capital cities was governed by special rules and differed from other Russian industrial centers.

The need to develop comprehensive measures to control industrial pollution has grown mostly from regional environmental conflicts, the

number of which was steadily growing by the end of the 19th century. Over time, they attracted more attention from the public and expert community, which put forward a better scientific argument for the protection of water and air from uncontrolled contamination by industrial waste. Subsequently, regional experience had a significant impact on ministerial commissions working on sanitation bills.

However, it is also important to pay attention to the origins of industrial pollution control in Russia in a period when it was an absolutely new and unknown phenomenon. In most cases, the struggle for the improvement of environmental conditions was led by local governments, zemstvos and city councils, but in the studying times – from 1846 to 1856 – Russia did not yet have representative bodies that could provide Russian citizens with an opportunity to express their will and enter into an open dialogue with the state authorities. An analysis of the earliest forms of environmental activism will provide answers to a number of questions important for understanding the further development of the anti-pollution movements: who, how and for what reason protested against pollution? How could the inhabitants of polluted areas assert their rights before the emergence of local self-government institutions? How did people involved in pollution conflicts define, measure, describe environmental harm in the absence of the relevant scientific knowledge?

The case of water pollution by dyeing factories in the town of Pereslavl is definitely not the only one of its kind, but it seems rather representative and well documented as a result of delayed litigations. The peasants' and citizens' testimonies, correspondence between organizations, reports experts allow to make a voluminous understanding of the conflict situation.

"The Battlefield": Pereslavl and its industrial development in the first half of the 19th century. The cultural landscape around Pereslavl was closely connected with its previous centuries-old history and made the town famous far beyond the province. Pereslavl was founded in 1152 at the confluence of Plescheevo lake and the Trubezh river, which originated in 36 kilometers to the south-west in Berendeevo bog. People's rumors ascribed special mystical properties to the Sin'-kamen' ("Blue stone"), located on the lake shore, and Berendeevo bog took its name from the semi-legendary tribe of Berendeys.

The *ryapushka* of Pereslavl – an endemic

² Le Roux T. Chemistry and industrial and environmental governance in France, 1770–1830 // History of science. – 2016. – Vol. 54(2). – P. 200.

³ Reed P. Where even the birds cough: the first British cases of large-scale atmospheric pollution by the chemical industry on Merseyside and Clydeside in the early 19th century // The role of oxygen in improving chemical processes / ed. by M. Fetizon and W.J. Thomas. – Cambridge, 1993. – P. 115–122.

⁴ Golan T. Laws of men and laws of nature. The history of scientific expert testimony in England and America. – Cambridge, London: Harvard University Press, 2004. – P. 171.

⁵ Andersen A. Pollution and the chemical industry. The case of the German dye industry [Text] / A. Andersen // The chemical industry in Europe, 1850–1914. Industrial growth, pollution, and professionalization / Ed. by E. Homburg, A.S. Travis, H.G. Shroter. – Dordrecht: Springer, 1998. – P. 117.

⁶ Reed P. Where even the birds cough: the first British cases of large-scale atmospheric pollution by the chemical industry on Merseyside and Clydeside in the early 19th century // The role of oxygen in improving chemical processes / ed. by M. Fetizon and W.J. Thomas. – Cambridge, 1993. – P. 117.

⁷ Mazanik A. Industrial waste, river pollution and water politics in Central Russia, 1880–1917 [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.1007/s12685-017-0207-0> (дата обращения: 24.10.2018).

⁸ Давыдов А.Н. Водоснабжение и качество питьевой воды в Москве в XIX – начале XX в. [Текст] / А.Н. Давыдов // Журнал региональной истории. – 2018. – Т. 2. – №1. – С. 60–79.

⁹ Афанасьев Г.Ю. Невская вода и загрязнения большого города: к вопросу об экологических аспектах истории Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX веков [Текст] / Г.Ю. Афанасьев // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – №4 (232). – С. 40–47.

salmon fish species domiciled only at Pleshcheevo lake – has also made the city famous in Russia. In the late 15th – early 16th centuries the fishermen settlement Rybnaia Sloboda was founded there, consisting in possession of Grand Princes of Moscow and delivering fish to princely (and then to an imperial) court¹⁰. By the moment of foundation of the first dyeing factories in Pereslavl, the local fisheries already had more than three hundred years history, and, obviously, was not just a source of income for peasant fishermen, but also a part of their identity. Environmental consequences of the early industrialization were therefore quite sensible for the population of Pereslavl district and sharply contrasted with the surrounding landscape.

The factories owned and founded by Vasilii Gladkov and Aleksei Chechelev were the main industrial facilities of the town. Gladkov's enterprise was the oldest one: the "Bulletin of manufactories in Russia for 1812" already mentions the "cloth factory" of Vasilii Gladkov and Pavel Tarelkin in Pereslavl, which occupied 101 free-lance workers and worked out for more than 50 000 *arshin* (about 35 000 m) of "different cloths" annually¹¹. Several years after Vasilii Gladkov, a merchant of the third guild, was the sole owner of the factory, which used the "scattering method": the yarn was making at homes by numerous peasants from surrounding villages¹². Similar kinds of production were introduced at the Chechelev's factory, founded slightly later, in 1839. The main buildings of the factories, located on the bank of the Trubezh, were used only for processing and dyeing of fabrics received from peasants.

The production process at the dyeing factories of the first half of the 19th century implied usage of large amounts of water and the subsequent disposal of a similar amount of liquid wastes. For this reason they were mainly located on the banks of water bodies. Before dyeing the fabric, as a rule, was bleached with caustic soda (NaOH), then washed with water (in the 19th century dyers usually did that in nearby water bodies) and sent to dyeing barks. According to the contemporaries' evidence, the factories of Pereslavl used such dyeing and

bleaching substances as "indigo, Derbent and Khiva madder, wooden oil, ink nuts, citron, curcuma, strong vodka and sulfate oil"¹³. Some of them were of organic origin and were relatively safe for the environment, but in the middle of the 19th century many dyeing factories started to use new chemical reagents, including arsenic acid, which was popular at that time and gave fabrics a fashionable green tint. As we can see, Pereslavl factories used also hydrochloric, nitric and sulfuric acids ("strong vodka" and "sulfate oil"). As after the dyeing process the fabrics were rinsed in the river and wastewater was poured out there too, the considerable part of the above listed substances got into the environment and led to undesirable ecological consequences.

Environmental situation. In July 1846, the Vladimir provincial board received the first complaint of Pereslavl citizens about contamination of the Trubezh river by Gladkov's and Chechelev's dyeing factories. Irritated townspeople wrote that "from the impurities descending into the river from institutions... and also from washing in the river... water in the river Trubezh spoils and stench in the air is felt, especially in summer time"¹⁴. The Provincial Board assigned the Medical Council to deal with this situation. The Council confirmed the fears of local residents and added that the factories' wastes not only make water in the river completely undrinkable, but also kill fish in Pleshcheevo lake. Moreover, they found out that both factories were built illegally and did not have the necessary permissions from local authorities.

City dwellers noted that the factories' owners had put them in a very difficult situation, because the Trubezh river could no longer serve them as a source of water. The citizens who lived downstream of the factories suffered most. Many of them complained about pollution of not only water but also air: unbearable stench was felt near the factories and the river during the descent of wastewater, especially in warm seasons.

Month later, peasants of the Rybnaia Sloboda supported the townspeople complaint. They had neither arable land nor hayfields, and fishing was their only livelihood. According to the fishermen, in previous years, the catches decreased significantly, and in 1846, fish in Pleshcheevo Lake began to die. Peasants attributed this to the harmful effects

¹⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук [Текст]. – СПб., 1836. – Т. 1: 1294-1598. – 491 с.

¹¹ Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год [Текст]. – СПб.: Типография Военного министерства, 1814. – С. 101.

¹² Архивный фонд Ярославской области. Фабрика «Новый мир» Управления текстильной и легкой промышленности Ярославского совета народного хозяйства [Электронный ресурс] // URL: <http://www.yar-archives.ru/archive/3/fund/10000122991> (дата обращения: 27.05.2018).

¹³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 48.

¹⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 4об-5.

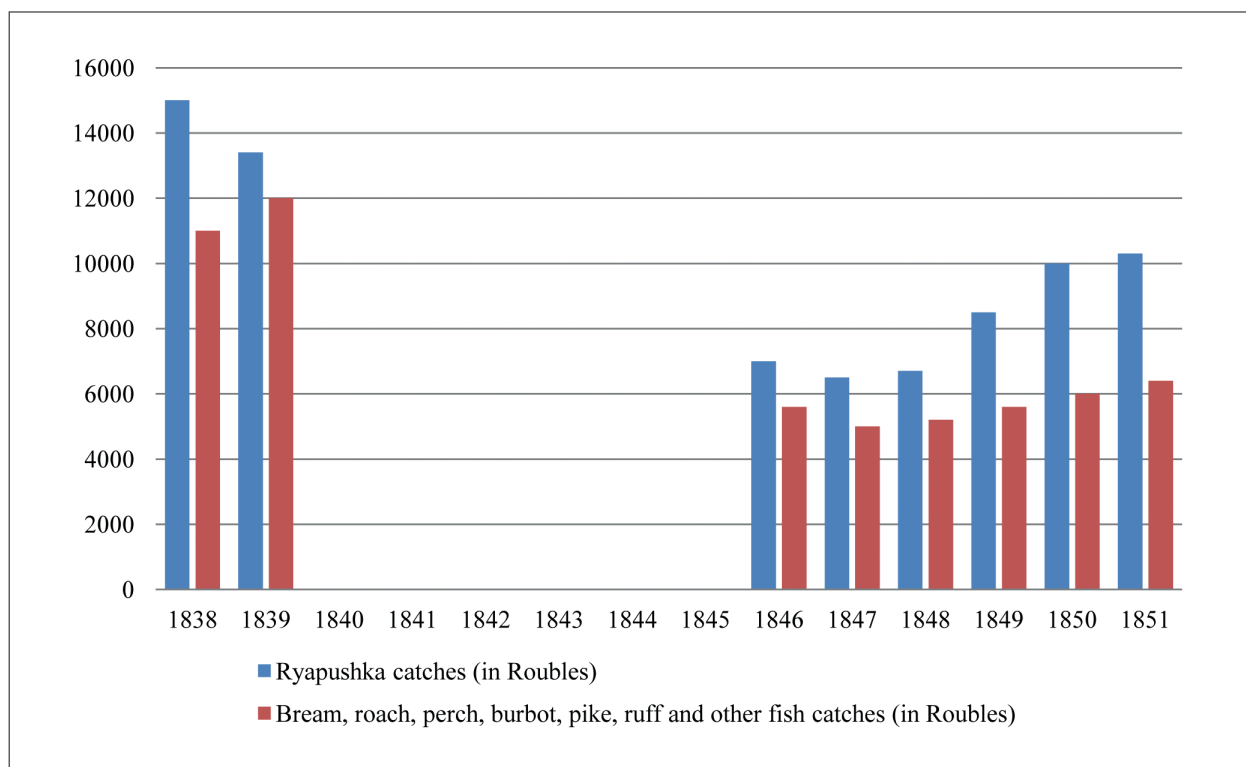

Figure 2. Dynamics of herring catches in Pleshcheyevo lake

of wastewater of the dyeing factories: “These factories, changing the quality of water during the known time, must finally spoil the silt itself and through it has a harmful effect on fish”¹⁵. Fears of peasants were also shared by Chief department of Appanages (CDA) – a unit of the Ministry of the Imperial Court which was responsible, in particular, for delivery of ryapushka fish. According to the statistics collected by the CDA, from 1838 to 1851 the number of fish caught in Pleshcheevo lake¹⁶ reduced almost twice (see fig. 2).

Pollution crisis in Pereslavl was quite typical for the cities in the times of the Industrial Revolution. With the appearance of the first large factories and the growth of the urban population it became more and more difficult to keep traditional waste management in the urbanized territories, to use habitual practices of water use and utilization of household wastes. In 1846, when the conflict between industrialists and urban dwellers emerged, local society had to make a difficult choice between public health and economic growth of the region.

Litigations. When Pereslavl citizens and peasants of Rybnaia Sloboda submitted their

complaints to the Vladimir Provincial Board in summer of 1846, the situation seemed to be close to its satisfactory resolution. Having considered the appeals, the Board decided: “Destroy the dyeing enterprises arbitrarily arranged by merchants Gladkov and Chechelev at their factories as damaging air and water and harmful to the health of the inhabitants; and submit all the circumstances of this case... for consideration and decision of the appropriate court”¹⁷. The law, indeed, was on the side of the complainers: issued back in 1803, the emperor’s decree ordered the governors, if they knew anything about the harmful factories, “report about them, with a detailed description of their quality and price, to the Ministry [of Internal Affairs]; and not to allow building them henceforth”¹⁸. Article 1053 of the Code of criminal and correctional punishment stated: “If someone builds in a city or outside the city, but upstream of a river or duct a factory that is recognized by law as harmful to air purity or water safety, these factories shall be destroyed at the expense of a

¹⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 64об-65.

¹⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 10.

¹⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 64об-65. No data for the period from 1840 to 1845.

¹⁸ 20881. Именной, объявленный Министром внутренних дел астраханскому губернатору Тенишеву. О наблюдении начальникам городских полиций за чистотою и опрятностью в городах [Текст] // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Т. XXVII. 1802-1803. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 815.

perpetrator"¹⁹. Besides, the guilty party had to pay a fine of 50 to 100 rubles. If a factory was built by the owner arbitrarily, without proper permission, and caused harm to someone, then, according to article 1363 of the same Code, he or she was obliged to close the factory, pay a fine from 30 to 100 rubles and compensate for the damage caused²⁰. Since Gladkov and Chechelev had no documents proving the legality of the construction of their enterprises, and the fact of water damage in the Trubezh by dye production wastes was confirmed by the Medical Council, it was clear that the violations committed by them fell within the scope of the mentioned articles.

However, in February 1848 the conflict took an unexpected turn. In the summer of 1846, Vladimir governor Petr Donaurov carried out revision of state organizations in the province and didn't participate in consideration of complaints of Pereslavl and Rybnaya Sloboda inhabitants. The decision about closure of the factories and submitting the evidences to court was made by vice-governor Petr Muravyev. Having returned back to Vladimir, Donaurov found the situation ambiguous. Soon he wrote a letter to the Minister of Internal Affairs Lev Perovsky to express his own views on the issue.

First of all, the governor didn't consider the industrialists guilty of contamination the river water. According to his statement, just a small part of local residents was hostile to the dyeing factories, while the majority of the town population has not experienced any inconvenience. The evidences of Gladkov and Chechelev's guilt, discovered by the Medical Department, Donaurov considered being insufficient: in his opinion, the Department did not present any strong arguments about the impact of wastewater on death of fish in the lake, and pollution allegedly changed only the water appearance. In conclusion, the governor asked the minister to pay attention to the importance of the dyeing factories for the regional economy: "Several thousand townspeople have a livelihood from work on these factories, and due to this kind of income they are able to pay the state and public duties, as well as peasants from surrounding villages, suffering from smallholding, have these factories as the only source of the livelihood to satisfy their needs; with closure of the factories... all these

people will be deprived absolutely of the means of their existence; and there are no other places around the city to remove the production"²¹.

Petr Donaurov's mediation could completely wrap the conflict in a very favorable for the industrialists way, but local people unexpectedly found an influential patron – the CDA, which was concerned about the decline in fish catches in the lake. A representative of the Department, Privy Counselor Kamensky, sent his appeal to the Ministry of Internal Affairs (MIA) immediately after the letter from the Vladimir governor: he wrote that the research conducted by the Medical Council had fully proved the damage of factory effluents to fish in Pleshcheevo. The Council's members took the necessary samples for analysis in the Trubezh, and their chemical investigations showed the presence of carbon dioxide, lime, sulfuric and hydrochloric salts. If several samples had been taken at different times, the range of harmful substances detected could have increased. The CDA worried about the future of fishing and asked the Minister of Internal Affairs not to ignore the interests of the Ministry of the Imperial Court and peasants of Rybnaya Sloboda²².

According to the usual practice for that period, both applications were sent to the Economic Department of the MIA, which in turn forwarded them to the Medical Board. In June 1848, the Board issued its decision supporting the governor and the industrialists. Having just listed Petr Donaurov's arguments without any critical attitude, members of the Medical Board concluded: "There are not enough data to recognize the Chechelev's and Gladkov's dyeing factories as harmful for the health of Pereslavl city dwellers and wealth of fisheries in the Trubezh and Pleshcheevo lake, and therefore there are no reasons for closure of the factories"²³. The Minister of Internal Affairs fully agreed with the decision of the Board and warned the CDA about that. The industrialists were just asked not to pour wastewater into the river immediately, but hold them into sumps for certain time. Solid wastes had to be utilized in a special place outside of the city. However, neither the Medical Board nor the MIA provided any system of control over implementation of these prescriptions.

The forced truce lasted for about three years, but it was eventually broken by the Ministry of the

¹⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [Текст]. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. – С. 430.

²⁰ Там же. – С. 556.

²¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 9-9об.

²² РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 10.

²³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 19-19об.

Imperial Court. On November 3, 1851 the CDA informed the MIA: "Even today, the factory workers rinse the painted matter in the Trubezh and pour into it dyeing liquids from the boilers, after what the water, especially in summer time, spoils, takes bad smell and reddish look. Remains of dyeing substances are not taken out to the places allocated by the city police, but whether they are thrown into the pits at the factories or lowered into the river – it is unknown, as the peasants are not allowed into the factories"²⁴. Moreover, impunity of Gladkov and Chechelev became an example for other local industrialists, and for three years the number of dyeing factories on the banks of Trubezh increased due to the new enterprise of a merchant Savalyov. "Peasants of the Rybnaia Sloboda should not suffer from lack of clean water for the benefits of two or three factories"²⁵, – summed up the CDA.

As we can see, the conflict between locals and industrialists has grown into interdepartmental disagreements of the CDA and the Vladimir Provincial Board under benevolent (in relation to the governor) neutrality of the MIA. Searching for a compromise, the Economic Department of the MIA decided to resort to the expert opinion: the state councilor Pavlovsky was asked to go to Pereslavl, collect detailed information about the conflict and submit his conclusions to the Minister of Internal Affairs Lev Perovsky.

On May 30, 1852 Pavlovsky sent his detailed report to the MIA²⁶, in which he noted that despite of issued regulations all dyeing factories of Pereslavl town still used the Trubezh river as a place for wastewater disposal. By the time of the visit of the state councilor, the factories' owners had organized pits for liquid sewage disposal before descending them into the river and the city police had given them a place for dumping of solid wastes outside the town. However, Pavlosky was sure that all these measures were just an imitation of compliance with sanitary rules. After the field trip he rather agreed that the dyeing factories did have a negative impact on the condition of the Trubezh and Pleshcheevo lake.

Nevertheless, the general conclusion of the report was purely pragmatic and based on economic rather than environmental arguments. "Taking all the above into consideration, – Pavlovsky wrote, – whatever kind of claim of Rybnaya Sloboda

peasants to Pereslavl factories there were, and whatever means were required to bring them to proper order, to avoid the inconveniences, but behind all that one can't reject those benefits which the factories bring to the city nowadays. In the factories, several hundred townspeople provide for their subsistence. Meanwhile, all the population of Rybnaia Sloboda are 480 peasants... earning 14 040 Rubles annually"²⁷ The new Vladimir governor Nikolai Petrovich Sinelnikov fully supported Pavlovsky's report: "Except for benefit in terms of commerce which these factories bring, they give the chance to get bread by honest work to thousand people living and working on these factories from Pereslavl itself and its vicinities, and therefore the factories are in all respects bring more benefits, than fishery of Rybnaia sloboda"²⁸.

The opinions of the governor and the state councilor Pavlovsky predetermined the outcome of the conflict. Nikolai Sinelnikov suggested to continue the discussion about the drawbacks of the dyeing industry and about the ways to eliminate them in order to prevent later any annoyance from the industrialists "burdening the authorities with the correspondence"²⁹. Despite the outcome of this unending discussion, the Pereslavl dyeing factories remained at their places and continued to contaminate the Trubezh river and Pleshcheevo lake for many years.

It seems rather difficult to establish the degree of Gladkov's and Chechelev's guilt because none of the parties of the conflict has conducted comprehensive scientific research on the environmental state of water bodies, and it is unlikely that they could have organized such a research during the study period. In particular, nobody paid sufficient attention to the fact that the Trubezh River received not only purified water from dyeing factories, but also household sewage, which inevitably contributed to the dynamics of the fish population. In the future it became known that the number of Pereslavl vendace forests also influenced water balance of Plescheevo lake, which in their turn depended on the drying of the bogs around it and deforestation of the adjacent territories. In 1853, the "Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society" reported: "The local opinion of the inhabitants of the Rybnaya Sloboda of Pereslavl about the damage of the water in the lake

²⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 32об.

²⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 39об.

²⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 44-65.

²⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 60-60об.

²⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 80.

²⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 81.

from the dyeing factories... cannot be recognized as correct. Until 1840, ryapushka fisheries was in a good state... In 1846, five years after introduction of dyeing of wool at Chechelev's factory, catches of ryapushka really decreased. But since 1848 catches increased again, despite that wool dyeing at the factories continued (see fig. 2). In 1850 locals caught up to 100 tons of ryapushka, and in 1851 up to 103 tons³⁰. Indeed, the biggest catches were still ahead: in 1868 fishermen of Pereslavl caught 200 thousand tons of ryapushka. Obviously, the dyeing factories of Gladkov and Chechelev did not improve the environmental situation, but it is also obvious that they were not the only reason of its deterioration. However, in this case it is not the search for "guilty" and "injured" that matters, but the behavior of different social groups in a situation where they were first forced to deal with the phenomenon of industrial pollution.

Perceptions of pollution. The main feature of early forms of struggle with industrial pollution is that the society faced issues that often had no ready solutions, scientific explanation were not regulated by the law. Each party had to describe the processes occurring in the environment, measure the harm caused and propose possible options for action. At the same time, none of the parties had the necessary scientific knowledge – involvement of experts and scientists with their exact terminology and measurable indicators of maximum allowable concentration of substances was not common yet. In this regard, the state of the Trubezh river and Pleshchevo lake was assessed by stakeholders in a highly subjective way, based on their own feelings, sense of smell and vision, and described in appropriate terms.

The public discussion about Gladkov and Chechelov's dyeing factories was based on purely dualistic concepts: "harm", "stench" and "impurities". These notions were used by both sides of the conflict, and had almost no halftones in their relation to the reality: the factories could be either harmful or harmless; they could emit stench or not; they could only release or not release impurities into the river. Most of those involved did not consider interim options, such as reducing harm to an acceptable level or changing the composition of the discharged water. Such measures were proposed by the MIA's Medical Board and Medical

Council, but as can be seen from the above, the experts' recommendations were not given sufficient attention by either industry or officials. The dualistic perception was also provoked by the existing legislation, which ordered the responsible persons to recognize the enterprise as hazardous and close it down or consider it safe and stop persecution.

Obviously, the inhabitants of Pereslavl and Rybnaya Sloboda were not qualified enough to describe the situation in scientific terms, and appealed to their unpleasant feelings from the smell of air and taste of water near the factories: as far back as in Victorian Great Britain people protesting against industrial pollution explicitly stated that they "trust their noses"³¹. However, the need to rely on one's own senses, due to lack of means and desire to measure harm, led to the use of obviously inaccurate characteristics even in expert opinions. For example, the state councilor Pavlovsky who was sent to Pereslavl as an expert wrote that he "doesn't notice" unnatural coloring of water in Trubezh, but the descent of "factory impurity" (the exact composition of which he didn't try to find out) makes the water near the factories somewhat "yellowish" and "not quite clean". In addition to water pollution, according to Pavlovsky, the cause of the fish sea could have been "some other accidents in nature"³². In the very beginning of the proceedings the governor Donaurov proved the harmlessness of the factories by the fact that the water pollution was not noticed by the heads of the troops that were living in Pereslavl. His successor on the governor's position Nikolai Sinelnikov considered as the proof of the industrialists' guiltlessness the fact that "he himself saw during washing of yarns at these factories floating fish in large quantity near the rafts"³³: such short-term observation by the governor himself considered quite enough. Since many parties of the conflict acted on the basis of their own empirical evidence and "trusted their noses", the outcome of the conflict depended on whose noses the authorities considered most trustworthy, and not surprisingly, in this regard, the preference was given to regional authorities.

Results. Thus, the litigations on the water pollution in the Trubezh were one of the earliest

³⁰ Тихонравов К.Н. О ловле сельдей в озере Плещеево [Текст] / К.Н. Тихонравов // Вестник Императорского русского географического общества. – 1853. – Ч. 7. – Вып. 4. – С. 21.

³¹ Reed P. Acid rain and the rise of environmental chemist in nineteenth-century Britain. The life and work of Robert Angus Smith. – Farnham, Surrey: Ashgate, 2014. – P. 100.

³² RGIA. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. П. 55об.

³³ RGIA. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. П. 80.

cases of the struggle between industrialists and local people for a clean environment. In the middle of the 19th century in the Russian Empire there were no institutions of local government which later initiated and supported the struggle against industrial pollution, but in Pereslavl each side received their influential patrons, which were the Vladimir governor and the Ministry of the imperial court.

From that moment the confrontation took economic rather than environmental character – depending on its outcome each participant could suffer losses or get benefit. If the governor was interested in the industrial development of the territory and did not want to reduce the jobs in the factories, which allowed the peasants to pay their taxes properly, the Department of Fines sought to preserve the ancient fishing of the inhabitants of the Rybnaia Sloboda, important for the supply of the imperial court. In fact, the basis of disagreement was competition between two ways of economic use of the Trubezh River, which seemed to contemporaries to mutually exclude

each other. The purity of the river's water and biological diversity were perceived not as terminal, but as instrumental values.

Already in this early conflict, the need of both sides of the conflict for common sanitary regulations that could be imposed on factories and subsequently enforced became apparent. Obviously, this was first and foremost the desire of the residents of the surrounding territories, but here their interests coincided with those of the authorities: according to the governor Sinelnikov, such intractable proceedings burdened their superiors, who, in the absence of an appropriate law, had to enter into a long dialogue with the victims, industrialists and higher authorities. Subsequently, the industrialists themselves began to appeal to the government for an all-Russian sanitary legislation, concerned about the constant accusations from the population and the extremely controversial practice of law enforcement, but such laws were never adopted in the Russian Empire until its fall in 1917.

Литература:

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук [Текст]. – СПб., 1836. – Т. 1: 1294-1598. – 491 с.
2. Архивный фонд Ярославской области. Фабрика «Новый мир» Управления текстильной и легкой промышленности Ярославского совета народного хозяйства [Электронный ресурс] // URL: <http://www.yar-archives.ru/archive/3/fund/10000122991> (дата обращения: 27.05.2018).
3. Афанасьев Г.Ю. Невская вода и загрязнения большого города: к вопросу об экологических аспектах истории Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX веков [Текст] / Г.Ю. Афанасьев // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – №4 (232). – С. 40-47.
4. Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год [Текст]. – СПб.: Типография Военного министерства, 1814. – С. 101.
5. Давыдов А.Н. Водоснабжение и качество питьевой воды в Москве в XIX – начале XX в. [Текст] / А.Н. Давыдов // Журнал региональной истории. – 2018. – Т. 2. – №1. – С. 60-79.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 48.
7. Тихонравов К.Н. О ловле сельдей в озере Плещееве [Текст] / К.Н. Тихонравов // Вестник Императорского русского географического общества. – 1853. – Ч. 7. – Вып. 4. – С. 21.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [Текст]. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. – С. 430.
9. 20881. Именной, объявленный Министром внутренних дел астраханскому губернатору Тенишеву. О наблюдении начальникам городских полиций за чистотою и опрятностью в городах [Текст] // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Т. XXVII. 1802-1803. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 815.
10. Andersen A. Pollution and the chemical industry. The case of the German dye industry [Text] / A. Andersen // The chemical industry in Europe, 1850-1914. Industrial growth, pollution,

- and professionalization / Ed. by E. Homburg, A.S. Travis, H.G. Shroter. – Dordrecht: Springer, 1998. – P. 117.
11. Golan T. Laws of men and laws of nature. The history of scientific expert testimony in England and America. – Cambridge, London: Harvard University Press, 2004. – P. 171.
 12. Le Roux T. Chemistry and industrial and environmental governance in France, 1770–1830 // History of science. – 2016. – Vol. 54(2). – P. 200.
 13. Mazanik A. Industrial waste, river pollution and water politics in Central Russia, 1880–1917 [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.1007/s12685-017-0207-0> (дата обращения: 24.10.2018).
 14. Reed P. Acid rain and the rise of environmental chemist in nineteenth-century Britain. The life and work of Robert Angus Smith. – Farnham, Surrey: Ashgate, 2014. – P. 100.
 15. Reed P. Where even the birds cough: the first British cases of large-scale atmospheric pollution by the chemical industry on Merseyside and Clydeside in the early 19th century // The role of oxygen in improving chemical processes / ed. by M. Fetizon and W.J. Thomas. – Cambridge, 1993. – P. 115-122.
 16. Wilmot S. Pollution and public concern. The response of the chemical industry in Britain to emerging environmental issues, 1860-1901 // The chemical industry in Europe, 1850-1914. Industrial growth, pollution, and professionalization /
 17. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 64об-65. No data for the period from 1840 to 1845.
 18. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 9-9об.
 19. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 10.
 20. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 19-19об.
 21. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 32об.
 22. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 39об.
 23. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 44-65.
 24. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 60-60об.
 25. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 80.
 26. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 81.
 27. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1261. Л. 64об-65.

Об авторе:

Виноградов Андрей Владиславович, кандидат исторических наук, доцент, кандидат исторических наук, докторант Центра исследований общества и окружающей среды им. Рэйчел Карсон (Университет Людвиг-Максимилиана, Германия), старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Татарстан, Россия.

Гололобов Е.И.

Антропогенное воздействие человека на водные ресурсы Севера Западной Сибири в период активного промышленного освоения (1960-1975 гг.): на примере Сургутского Приобья

Севера Западной Сибири во второй половине XX в. подвергся мощному антропогенному воздействию. В первую очередь это было связано с созданием и развитием Западносибирского нефтегазового комплекса. Территория Сургутского Приобья в административных границах Сургутского района стала зоной наиболее интенсивного промышленного освоения. За период 1960-1975 гг. район из сельскохозяйственного, промыслового превратился в индустриальный, нефть стала определять его дальнейшую судьбу. Это не могло не отразиться на водных ресурсах региона. Север Западной Сибири богат поверхностными водами. Его по праву можно назвать «землей воды». В 1960-1970-е гг. водные ресурсы района приобрели принципиально новое значение, и охрана их стала жизненной необходимостью.

Ключевые слова: воздействие человека на природу Севера, экологическая история Севера Западной Сибири, водные ресурсы.

Gololobov E.I.

The anthropogenic impact on water resources of the North of Western Siberia in period of active industrial development (1960-1975th) on example Surgut's Priobye

The region of the North of Western Siberia in the second half of the 20th century was subjected to a powerful anthropogenic impact. This was primarily due to the creation and development of the West Siberian oil and gas complex. The territory of Surgut's Priobye within the administrative boundaries of the Surgut district has become the zone of the most intensive industrial development. During the period 1960-1975 the area from agricultural, fishing turned into industrial, oil began to determine its future fate. This could not but affect the water resources of the region. The north of Western Siberia is rich in surface waters. It can rightly be called the «land of water». In 1960-1970 the water resources of the district became a fundamentally new importance, and their protection became a vital necessity.

Keywords: anthropogenic impact on the nature of North, environmental history of the North of Western Siberia, water resources.

Негативное влияние на водные ресурсы оказывали лесозаготовки, загрязнение водоемов нефтью и нефтепродуктами, браконьерство. Снижались уловы рыбы, малые реки теряли свое рыбохозяйственное значение, в целом

ухудшалось качество природной среды. Решение вопросов, связанных с рациональным использованием биологических ресурсов и охраной природной среды приносились в жертву стремительному наращиванию темпов добычи

нефти и газа. Негативные последствия такого подхода водные ресурсы региона ощутили на себе в полной мере.

Территорий наиболее интенсивного промышленного освоения на Севере Западной Сибири во второй половине XX в. стало Сургутское Приобье в административных границах Сургутского района. В рассматриваемый период Сургутский район из сельскохозяйственного превратился в индустриальный, нефть стала определять его дальнейшую судьбу. Одна лишь Сургутская скважина давала нефти столько же, сколько десять - пятнадцать скважин в Поволжье. Причем среднеобская нефть - высококачественная, она характеризуется выходом светлых продуктов, небольшой вязкостью в пластах, из некоторых ее видов вырабатываются высокоскоростные смазочные масла. Эти качества Сургутской нефти, а главное, высокие объёмы добычи принесли ей заслуженную известность. За весь период освоения на территории Сургутского района было открыто и введено в эксплуатацию более ста месторождений (Официальный сайт муниципального образования Сургутский район <http://admsr.ru/region/history/>). Это не могло не отразиться на состоянии водных ресурсов региона. Об этом пойдет речь в данной статье.

В 1960-1975 гг. Сургутский район был одним из крупнейших районов Тюменской области. Территория района занимала 162,7 тысячи км². Из них лесами было занято почти 70 тыс. км², лугами и пастбищами - 0,25 тыс. км², сенокосами - 40 тыс. км², озерами и водными магистралями - 10,5 тыс. км² (СГА. Ф.1. Оп. 1. Д. 305. Л. 194). В этот период в районе быстрыми темпами развивалась добыча нефти и газа, строились нефтепроводы, железная дорога Тюмень-Сургут-Нижневартовск, Сургутская ГРЭС, строились десятки промышленных предприятий. Именно в этот период сформировался Западносибирский нефтегазовый комплекс (далее - ЗСНГК). Это вызвало большой приток рабочей силы, и, следовательно, общий рост численности населения. Только за 1970-1973 гг. население города Сургута и района увеличилось более чем на 19 тысяч человек (СГА. Ф.1. Оп. 1. Д. 305. Л. 194).

Север Западной Сибири богат поверхностными водами. Его по праву можно назвать «землей воды». Повышенное количество осадков, слабое испарение, особенно с затененной поверхности почв и водоемов, а также облесен-

ность и равнинность, затрудняющие сток, вызывают заболачивание территории. Поэтому кроме многочисленных рек и озер, в таежной зоне большое количество болот. На земном шаре нет территории, где бы болота занимали такие громадные площади, как в Западной Сибири. В зоне тундры и тайги площадь болот равна 77,22 млн. га, из них на долю торфяников приходится около 40 млн. га. В Сургутском полесье 75% площади заболочено. Густота речной сети составляет 350-400 км на 1000 км² (в лесостепной и степной зонах аналогичный показатель составляет 25-30 км на 1000 км²) (Советский Союз, 1971, с. 37). Ширина междуречий не достигает и 12 км, а максимальное удаление от реки не превышает 5-6 км. Многие из таежных притоков Оби больше таких известных величиной водосброса и стока рек, как Западная Двина, Буг, Днестр и др.

Запасы поверхностных и подземных вод в районе исчисляются десятками млн. кубометров. Протяженность главной артерии р. Оби в пределах района составляет 370 км, а вместе с притоками 3 тыс. км. Расход воды в секунду в среднем составляет 12,3 тыс. кубометров. В весенне-летний период водой занято почти 45% суши. В толщах воды протекают многопластовые подземные воды. Исключительно развитая пойменная система Оби и крупных притоков аккумулирует до 25% ее годового стока. Это создает временные, но обширные, связанные с рекой акватории, являющиеся летней нагульно-выростной площадью для большинства видов рыб. Значительное место в ландшафтах таежной зоны занимают озера. Они насчитываются здесь десятками тысяч, а возможно, и сотнями тысяч. Заозерность Сургутского Полесья составляет 18-23% (Валеева, Московченко, 2001, с. 39). Крайне высокая степень обводненности и заболоченности определяет обилие водных и полуводных животных - рыбы, водоплавающие птицы, ондатра, бобр и др.

Основные рыбопромысловые водоемы региона - пойменно-речные. Обилие рыбы в этих водоемах по сравнению с другими бассейнами сибирских рек объясняется наличием обширной и высокопродуктивной поймы. Вылов рыбы в Оби в отдельные годы значительно колебался. Это было обусловлено величиной весеннего паводка Оби - Иртыша, определявшего степень затопления поймы. В годы низкого уровня воды, когда полые воды заливают не все площади со-

ров (особенно при быстром спаде воды), рыба из соров уходит рано, срок нагула ее сокращаются на один-два месяца. Отсюда плохой рост и упитанность промысловых рыб и их молоди, резкие колебания добычи рыбы.

В 1960-1970-е гг. водные ресурсы района приобрели принципиально новое значение, и охрана их стала жизненной необходимостью. Кроме большого рыбохозяйственного значения Оби и ее притоков, воды бассейна имели хозяйственно-бытовое назначение, несли малый и большой речной флот, по рекам производился сплав древесины, большое количество воды использовалось в промышленных целях и на нужды сельского хозяйства. Обь является источником водоснабжения Сургутской ГРЭС. Достигнутый за короткий период времени высокий уровень промышленного производства в районе без использования водных ресурсов был бы практически невозможен.

Это напрямую влияло на водные ресурсы в целом, и на развитие рыболовного хозяйства региона, в частности. Общий объем вылова рыбы, несмотря на качественное улучшение орудий лова, технической оснащенности промысловиков, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. резко снизился. В 1972 г. по сравнению с 1964 г. уловы осетра и язя снизились в 3 раза, сыр-ка в 2 раза. Хотя, не все считали этот факт столь однозначным. Депутат Г.Н. Козин на заседании Сургутского районного Совета о нехватке рыбы заявил следующее: «Очень часто можно слышать высказывания о том, что рыбы в наш век стало меньше. В прежние времена, вспоминает какой-нибудь старожил, рыба на рынке не переводилась. Так ли это на самом деле?» – задается вопросом депутат. В характерной для советской агитации манере, депутат приводит современные данные по уловам рыбы (80 млн. центнеров) с данными 1913 г. (10 млн. центнеров). Подчеркивая, что за годы советской власти резко возросло количество населения, в частности городского населения. Развитие транспорта позволило доставлять рыбу и рыбные продукты в «такие районы, где ее раньше не видели совсем». Вот поэтому неискушенный потребитель, по мнению депутата, и говорит о том, что рыбы стало меньше. И приводит красноречивый, с его точки зрения, пример: «Чем питался раньше крестьянин – картофель, суслик, капуста, кулага, квас, редька и так далее. А мясом и рыбой питались очень и очень редко. А теперь, как один

день мяса или рыбы в магазине нет - шум» (СГА. Ф.1. Оп. 1. Д. 305. Л. 173).

Тем не менее, объемы уловов снижались. Об этом свидетельствовали цифры официальной статистики. Этого нельзя было не замечать. Негативную роль в развитии рыболовного хозяйства Севера Западной Сибири сыграло строительство гидроэлектростанций на Иртыше и Оби (Усть-Каменогорская, Новосибирская). В июле 1952 г. в строй была введена Усть-Каменогорская гидроэлектростанция на Иртыше. Ввод в эксплуатацию данной электростанции привел к тому, что от основных водных магистралей оказались отрезанными нерестилища на реке Иртыш таких важных промысловых пород, как осетр и нельма. В 1956 г. была введена в эксплуатацию плотина Новосибирской ГЭС. Плотина Новосибирской ГЭС отрезала свыше 40% нерестовой площади осетра и более 50% нельмы на Оби (Прибыльский, 2008, с. 144). Этот ущерб не мог быть восполнен за счет увеличения естественного воспроизводства в других участках бассейна. Это обстоятельство делало не просто целесообразным, а остро необходимым развитие искусственного рыбозаведения.

Негативное влияние на рыболовство оказывали лесозаготовки. Молевой сплав древесины, засорение нерестовых участков отходами продукции лесного хозяйства вывели из строя многие рыбохозяйственные угодья. В частности в Сургутском районе бессистемная рубка леса по берегам рек и сплав необработанной древесины по промысловым речкам, протокам и сорам, особенно там, где происходил нерест рыбы, существенно снижали хозяйственное значение водоемов. В 1960-е гг. молевой сплав на всей территории Ханты-Мансийского национального округа был запрещен, но негативные последствия от этого еще долго давали о себе знать.

Еще одним мощным негативным фактором, постоянно действующим с середины 1960-х гг., стало загрязнение водоемов нефтью и нефтепродуктами. Особую озабоченность вызывало поступление в открытые водоемы нефтепродуктов, пластовых вод из буровых скважин, сбрасывание отработанного топлива и масел с судов. В совокупности все это создавало вредные условия для жизни рыбы, вело к истреблению ее в отдельных водоемах. Большое количество промышленных предприятий Сургутского района

не имели очистных сооружений, сбрасывали в Обь и ее притоки воды с большим количеством нефтепродуктов и других вредных веществ. Лесозаготовительные и сплавные организации засоряли притоки Оби сплавными отходами, строители нефтепроводов, дорог, управления буровых работ, геологоразведочные экспедиции, нарушая установленные законы, вместо строительства мостов через малые реки и протоки заваливали их полностью земляными валами и лесом.

Так знаменитая сургутская речка «Остяцкий живец», в которой спасалась рыба в период зимнего замора, в результате загрязнения дизельным топливом в 1968 г. и продолжающимся сбросом сеноманской воды из скважин практически потеряла свое рыбохозяйственное значение. Если до загрязнения вылов рыбы в ней достигал 600 центнеров, то в 1969 г. он составил всего 150 кг, то есть вылов уменьшился более чем в 400 раз. В 1972 г. в этой речке было выловлено только 161 центнер, в январе 1973 г. по вине начальника цеха НГДУ имени 50-летия образования СССР Пырикова и других должностных лиц в речку Остяцкий живец был произведен сброс дренажной воды из аварийного амбара в объеме 2 тыс. кубометров с содержанием нефтепродуктов 1389 миллиграмм на один литр. В начале марта вновь было сброшено около 5 тыс. кубометров дренажной воды, после чего подхода рыбы к живцу не наблюдалось. Виновные лица были наказаны, но рыболовное угодье на долгие годы потеряло свое промысловое значение. Такая же судьба постигла и другие реки Сургутского Приобья – Пим, Салым, Неух, протоку Девкина и т.д. (СГА. Ф.1. Оп. 1. Д. 305. Л. 174, 196).

По вине руководителей Усть-Балыкской экспедиции, в частности начальника строительного участка Веретенникова была перегорожена речка Варь-Еган с впадающим в нее Еганом завалом бревен и примитивными мостами, что стало мешать подъему и спуску рыбы. Специализированным строительным управлением № 4 г. Нефтеюганска без всякого согласия с органами рыбоохраны путем засыпки землей полностью была перекрыта протока Очемкина, в результате чего был прегражден проход рыбе и наблюдалась ее гибель. Сургутским леспромхозом в результате загрязнения отходами древесины после разделки и сплотки, была засорена протока Быкова (СГА. Ф.1. Оп. 1. Д. 305. Л. 197).

Факты засыпки и перекрытия малых рек носили массовый характер, виновники наказывались штрафами, но материальный ущерб, нанесенный государству, нерадивыми руководителями был невосполним. Руководителям хозяйственных организаций было гораздо проще заплатить штраф, чем действовать в соответствии с природоохранным законодательством.

Имелось много фактов, когда добываемая в районе тысячами тонн нефть попадала в открытые водоемы. Один литр нефти способен испортить миллион литров воды. Попадая в пойму, нефтепродукты загрязняют нерестилища, что особенно опасно для рек Западной Сибири, обладающих ценными породами рыб. Воды рек Западной Сибири имеют меньшую способность к самоочищению, чем реки европейской части страны, где вода в реке может самоочиститься, пройдя 200-300 км от места загрязнения. В условиях Западной Сибири воде потребуется не менее 2 тыс. км при том же составе загрязнений. Воды Оби и ее притоков в рассматриваемый период были значительно загрязнены нефтью и нефтепродуктами (Бюдьков, Нефедова, 1977, с. 32, 34-35).

В июле 1972 г. в результате порыва нефтепровода Усть-Балык-Омск на 34 километре было разлито около 15 тысяч тонн нефти, большая часть которой попала в реку Малый Балык. Немного ранее в результате порыва нефтепровода в районе речки Девкиной тысячи тонн нефти оказалось в этом водоеме, что привело к массовой гибели рыбы. В результате произошедшей аварии в поселке Пойковский большое количество нефти попало в реку Пойка. В Сургутской и Нефтеюганской конторах бурения на отдельных скважинах площадки были замазаны нефтью и с талыми водами она попадала в открытые водоемы района. В Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции длительный период хранили дуст под открытым небом на берегу реки Аган. Мешки были рваные, и часть их содержимого с ливневыми водами попала в водоем (СГА. Ф.1. Оп. 1. Д. 305. Л. 197).

Нефтепродукты в водоемы попадали не только с нефтепромыслов. Активное промышленное освоение района не возможно было без большого количества техники. Применение техники связано с использованием горюче-смазочных материалов. В связи с этим ряд руководителей предприятий и организаций строили временные склады хранения горюче-смазочных

материалов в пойменной части рек, не обвалывали их. В результате эти склады регулярно подтоплялись паводковыми водами и разлились на территории складов нефтепродукты попадали в водоемы (СГА. Ф.1. Оп. 1. Д. 305. Л. 197). Особенно характерно это было для совхозов. В этих хозяйствах способы заправки горючим были самыми примитивными, и зачастую, допускался разлив горюче-смазочных материалов. Например, реку Черную (протекала в черте города Сургута) постоянно загрязняли горюче-смазочными материалами ремонтно-технические мастерские, ГРЭС и другие промышленные и транспортные предприятия.

Предприятия и организации района имели большое количество флота. В большинстве своем суда не были оборудованы системами по сбору подсланевых вод и отработанных масел, отсутствовал закрытый способ бункеровки. Это также приводило к разливу нефтепродуктов. Все виды отработанных горюче-смазочных материалов сбрасывались в зону затопления или непосредственно в водоемы. Особенно эти факты имели место в речном порту, рыбном комбинате, леспромхозе, ремонтно-эксплуатационных базах флота «Главтюменьнефтегазстрой», «Главтюменьгеологии» и совхозах.

Сургутская нефтебаза за весь рассматриваемый период не организовала прием и регенерацию отработанных масел от промышленных предприятий и судов речного флота. Нефтедобывающие и другие предприятия медленно вводили в эксплуатацию очистные сооружения. Выделяемые на эти цели средства из года в год не осваивались. Так НГДУ «Юганскнефть» из запланированных на 1972 г. 278 тысяч рублей, освоило лишь 10 тысяч рублей. Нефтегазодобывающее управление имени 50-летия образования СССР из 670 тысяч рублей по промышленной базе освоило только 191 тысяч рублей. НГДУ «Правдинскнефть» из 326 тысяч рублей освоило только – 118 тысяч рублей (СГА. Ф.1. Оп. 1. Д. 305. Л. 198.).

Неблагополучное положение с очисткой загрязненных промышленных стоков складывалось на Сургутском рыбном комбинате и его участках. Стоки совершенно не очищались от жиров и сбрасывались в открытый водоем. Строительство очистных сооружений не велось. Отдельные предприятия бесхозяйственно относились к использованию подземных водных источников. Пробуренные ранее скважины на воду, по мере их непригодности забрасывались,

не тампонировались и не ликвидировались должным образом. Сургутское управление буровых работ из 8 скважин подлежащих ликвидации на Западно-Сургутском месторождении и Солкинской площади в 1972 г. ликвидировало только 2. Нефтеюганским управлением буровых работ на Усть-Балыкском, Солкинском и Правдинском месторождениях не было ликвидировано 22 скважины. У 5-ти скважин вновь пробуренных для домостроительного комбината не были закрыты устья. (СГА. Ф.1. Оп. 1. Д. 305. Л. 198) Все это приводило к попаданию через их устья загрязненных нефтепродуктами стоков в подземные водные горизонты.

Значительный ущерб рыбному хозяйству наносили браконьеры, вылавливая рыбу в запретное время, запрещенными орудиями лова, уничтожая производителей на подходах к местам размножения. Только за 1972 г. органами рыбоохраны было вскрыто 83 нарушения Положения об охране рыбных запасов со стороны организаций и 226 нарушений правил рыболовства выразившихся в незаконном лове рыбы и браконьерстве. В период майского запрета 1972 г. органами рыбоохраны были задержаны работники промышленных предприятий, жители г. Нефтеюганска и села Тундрино - рабочие совхоза «Тундринский». Имелись факты, когда рыбаки государственного лова вместо сдачи добытой рыбы государству реализовывали ее на «черном рынке». В 1972 г. в момент продажи рыбы с целью наживы был задержан рыбак Сытоминского рыбоучастка Алиев. И такие случаи были не единичными (СГА. Ф.1. Оп. 1. Д. 305. Л. 199).

Государство не могло не реагировать на ухудшение ситуации в рыболовной отрасли, особенно в зонах активного промышленного освоения. Советом Министров СССР было принято ряд постановлений, направленных на усиление охраны рыбных запасов в водоемах СССР, в частности был введен лимит на вылов ценных видов рыб, ограничен размер ячеи и длина орудий лова, частным лицам была ограничена мощность лодочных моторов и установлен порядок пользования ими, запрещен вылов и продажа частным лицам рыбы ценных видов. В соответствии с водным законодательством введенным в действие с 1 октября 1972 г. государственный контроль за использованием и охраной вод должен был осуществляться местными Советами депутатов трудящихся. Исполкомам

Советов в этом вопросе надлежало усиливать контроль путем привлечения общественности, путем обсуждения данных вопросов на сессиях Советов и их исполкомах. Неоднократно говорилось о том, что инспекциям охраны вод и рыбинспекции, Сургутскому рыбному комбинату и коопзверопромхозу следует организовать дело так, чтобы те, кто загрязняет водоемы нефтью, сеноманскими водами, отходами производства, нефтепродуктами чувствовали бы постоянно неотвратимость наказания перед обществом. Ущерб, наносимый району от этого, должен был в полном объеме восполняться за счет предприятий причиняющих его (СГА. Ф.1. Оп. 1. Д. 305. Л. 199).

К сожалению, на практике такой подход реализовать в полной мере было невозможно. В целом, необходимо признать, что советское природоохранное законодательство не было эффективным. В отличие от канадских и американских экологических законов, которые одновременно являлись и законодательными и административными регламентирующими актами, советское законодательство имело «систему отсылок», то есть требовало составления «подзаконных актов» исполнительных органов власти. Именно это существенно снижало его эффективность (Агранат, 1988, с. 82).

На самом высоком государственном уровне декларировалась необходимость комплексного подхода к изучению и освоению ресурсов региона: «... проблемы развития народного хозяйства этого района не могут быть решены без широкого комплексного изучения его природных условий и ресурсов, с целью определения его основных направлений и разработки взаимно увязанных схем их освоения и хозяйственного строительства. Изолированное (или с недостаточным учетом интересов комплекса), рассмотрение вопросов использования отдельных видов ресурсов Обского Севера может привести к необоснованным с народнохозяйственной точки зрения решениям и нанести серьезный ущерб экономике страны» (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 38).

Подчеркивалась необходимость обеспечения благоприятного сочетания индустриального освоения природных ресурсов Севера с охраной природы и традиционными отраслями северного хозяйства. В реальности решение вопросов, связанных с рациональным использованием биоресурсов и охраной природной среды приносились в жертву стремительному наращиванию темпов добычи нефти и газа. Негативные последствия такого подхода водные ресурсы региона ощутили на себе в полной мере.

Литература:

1. Агранат, Г.А. Освоение Севера: мировой опыт. География зарубежных стран. Т. 15. (Итоги науки и техники ВИНТИ) АН СССР. М. – 1988. 168 с.
2. Бюдьков, С.Т. Север Западной Сибири (Проблемы хозяйственного освоения и охрана окружающей среды)/ С.Т. Бюдьков, В.Б. Нефедова. – Тюмень. – 1977. – 88 с.
3. Валеева, Э.И. Роль водно-болотных угодий в устойчивом развитии севера Западной Сибири/ Э.И. Валеева, Д.В. Московченко. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. – 2001. – 229 с.
4. Официальный сайт муниципального образования Сургутский район <http://admsr.ru/region/history/>
5. Прибыльский, Ю.П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке. М., «Наука». – 2008. – 233 с.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф 399. Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР. Оп. 3.
7. Советский Союз. Российская Федерация. Западная Сибирь. М., «Мысль». – 1971. – 429 с.

Об авторе:

Гололобов Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, проректор по научной работе, БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет», г. Сургут, Россия, EGololobov@surgpu.ru

Фредерик Кастель

История методики преподавания математики: на пути к созданию комбинированного подхода

В данной статье автор рассматривает различные аспекты методики преподавания математики. Его интересует, как они развивались исторически: начиная с теории методических ситуаций, переходя к разработке теоретических основ двойственного подхода (Robert, Rogalski) и завершая созданием новой комбинированной программы, отражающей генезис дидактических инструментов (Rabardel).

Ключевые слова: методика преподавания математики, двойственный подход, генезис дидактических инструментов, комбинированный подход, преподаватели, ученики.

Frédéric Castel

Histoire de la didactique des mathématiques : vers la création d'un cadre composite

Dans cet article, nous allons détailler les champs des didactiques des maths tels qu'ils se sont déployés historiquement, à partir de la théorie des situations didactiques, afin d'élaborer le cadre théorique de la double approche (Robert, Rogalski), puis de le composer avec la genèse instrumentale (Rabardel) pour créer un nouveau cadre composite.

Mots-clés: didactique des mathématiques, double approche, genèse instrumentale, cadre composite, enseignants, élèves.

Cet article vise à replacer dans leurs contextes différents cadres théoriques utilisés en didactique des mathématiques, cadres qui se sont construits dans l'histoire récente et qui, rassemblés, peuvent créer un cadre composite pertinent pour nos recherches en didactiques.

Ces cadres ont notamment été mobilisés dans le mémoire que nous avons publié et soutenu en 2012 : « Effets de la masterisation sur les offres et les pratiques en formation initiale des professeurs des écoles : le cas des usages des technologies dans les enseignements de mathématiques »

Nous utilisons deux cadres théoriques complémentaires pour nos travaux, qui forment un cadre composite cohérent comme le souligne Emprin (2007).

La double approche est, dans ses fondements, liée à la problématique de formation des enseignants. En effet, ces travaux ont été menés dans le but de « représenter et de justifier un cadrage théorique pour mettre en place des recherches di-

didactiques sur les formations professionnelles des enseignants de mathématiques » (Robert, 1999).

Toutefois, ce cadre n'est pas construit pour étudier le rapport aux technologies, c'est pourquoi l'utilisation de l'approche instrumentale, qui répond à cette analyse de l'usage des instruments : « ce type de l'analyse de l'instrumentalité de l'enseignant a aussi toute sa place dans l'approche générale que nous avons présentée [...] et elle a des conséquences en ce qui concerne la formation initiale » (Rogalski, 2003). A nouveau, l'intérêt d'utiliser ce cadre dans le cadre de recherche sur la formation initiale des enseignants apparaît comme pertinent. Nous présenterons dans cet article ces deux cadres.

1. La double approche

Dans leurs travaux, Robert (1999, 2008a, 2008b) puis Robert et Rogalski (2002) proposent d'analyser les pratiques enseignantes par deux

abords, l'un centré sur les élèves et les apprentissages, l'autre autour du métier de l'enseignant. Ces deux aspects sont complémentaires et permettent une analyse de l'activité liant les aspects didactique (composantes cognitive et médiative) et ergonomique (composantes personnelle, institutionnelle et sociale). Il s'agit donc d'une double approche, qui interroge les activités attendues et les pratiques réelles en classe, en tenant compte de la personnalité, de l'histoire et du vécu de la professionnalité de l'enseignant.

1.1 Des appuis sur la théorie de l'activité

Cette double approche se situe au cœur du cadre général de la théorie de l'activité. Celle-ci repose sur une analyse des processus en jeu et de l'évolution de l'activité de l'élève lorsqu'il réalise une tâche prescrite. Rogalski (2008) note ainsi qu'une notion centrale de la théorie de l'activité est de bien distinguer la tâche, « ce qui est à faire », de l'activité, « ce que développe le sujet lors de la réalisation de la tâche ». Le sujet est pris dans un sens global : cela peut être l'élève en situation de classe, l'étudiant en situation de formation initiale, l'enseignant en situation de formation continue. Nous utiliserons ces définitions dans la suite de notre recherche.

La théorie de l'activité distingue la tâche prescrite de la tâche active. En fait, dès lors que le sujet s'approprié la tâche, ce qu'en didactique des maths on nomme la dévolution¹, il s'en fait sa propre représentation, différente de celle du prescripteur. L'activité qui est alors développée est bien une réponse à cette nouvelle tâche, reconstruite par le sujet, parce qu'il n'a pas forcément à disposition tous les éléments pour réaliser la tâche initiale, parce qu'il s'est construit une mauvaise représentation, parce qu'il y a une incompréhension dans le contrat didactique, ou plus simplement parce que le prescripteur n'avait pas envisagé toutes les éventualités. Ainsi, pour comprendre et analyser l'activité, il est nécessaire d'analyser au préalable la tâche prescrite, qui oriente l'activité.

Dans la théorie de l'activité, on s'intéresse donc à l'activité du sujet et à l'activité de l'enseignant ou du formateur, dont les objectifs et la réalisation de sa mission d'enseignement sont étudiés. Les rela-

tions didactiques sujets-enseignants ne sont pas au centre des analyses et nous verrons plus loin que cet aspect « médiatif » sera l'un des apports de la double approche.

1.2 Des apports de la théorie des situations didactique

En théorie des situations didactiques, que Rogalski (2008) ne juge pas contradictoire mais bien complémentaire à la double approche, le concept de contrat didactique est au centre des analyses. Il représente « l'ensemble des comportements spécifiques du maître qui sont attendus de l'élève et l'ensemble des comportements de l'élève attendus par le maître » (Brousseau, 1990). Souvent implicite, il va permettre d'avoir un regard sur l'activité réelle de l'élève. La théorie des situations didactiques porte une grande importance aux situations didactiques, qui permettent aux élèves de construire des apprentissages sans la validation nécessaire de l'enseignant.

L'utilisation de ce cadre théorique dans les analyses vise à étudier les écarts entre les apprentissages effectivement construits par l'élève et les attentes a priori, elle vise également à valider l'aspect didactique de la situation de référence.

Les notions de tâches et d'activités n'apparaissent pas explicitement, et les interactions en classe ne sont pas étudiées : « Les modalités de mise en actes, par exemple tout ce qui concerne la façon de reprendre une idée d'élève, les différentes aides, ne sont pas détaillées, voire n'ont pas de place. » (Rogalski, 2008)

1.3 Vers une prise en compte de la notion de métier : la double approche

Nous avons constaté que ces cadres théoriques issus des didactiques disciplinaires ne prennent pas en compte les caractéristiques personnelles des enseignants ni leur contexte de travail. Aussi dans notre étude, nous utiliserons les travaux de Robert et Rogalski (2002, 2008). Ainsi, « nous nous intéresserons moins aux connaissances qu'à leurs mises en fonctionnement, et nous ne réduisons pas non plus les activités des enseignants à des gestes professionnels » (Rogalski 2008).

D'une part, les aspects didactiques sont donc analysés sous l'angle d'une **composante médiative**,

¹ Brousseau (1990) définit la dévolution comme un « acte par lequel l'enseignant fait accepter à l'élève la responsabilité d'une situation d'apprentissage [...] et accepte lui-même les conséquences de ce transfert ».

qui interroge les choix de l'enseignant concernant les déroulements, les discours, les médiations, les aides apportées, les validations. Cette composante vient compléter la composante cognitive qui analyse les tâches proposées par l'enseignant, et leur inscription dans ses programmations.

D'autre part, pour tenir compte du métier, trois composantes sont utilisées. La **composante personnelle**. Celle-ci permet de tenir compte des visions à long terme de l'enseignant dans l'exercice de sa fonction, de sa représentation du métier, des risques qu'il consent. La **composante institutionnelle** tient compte des différentes contraintes qui pèsent sur l'enseignant, en terme de programmes, d'horaires, de ressource, de hiérarchie pédagogique et administrative. Enfin la composante sociale correspond au fait que l'enseignant n'est seul ni dans sa classe, ni dans son établissement, et les interactions avec les élèves en tant que groupe, le travail avec ses collègues sont des données qui rentrent en compte dans l'analyse de son activité.

C'est cette analyse au travers de ces cinq composantes qui permet de comprendre le travail de l'enseignant, ce qui est variable, ce qui est partagé par plusieurs enseignants, ce qui est singulier (Robert, 2008a).

2. L'approche instrumentale

Dans l'approche instrumentale, Rabardel, en 1995, distingue l'artefact, outil technique neutre tant qu'il n'est pas muni de schèmes² d'utilisation, de l'instrument, qui, lui, est utilisable par le sujet. La genèse instrumentale est le processus de construction de ces schèmes, qui vont donc permettre à l'artefact de devenir instrument. Ainsi un même artefact peut donner matière à plusieurs instruments, suivant les tâches à accomplir. Nous distinguerons la genèse instrumentale personnelle, qui « met en jeu des schèmes non directement reliés à un usage avec les élèves » (Abboud-Blanchard et al., 2013), de la genèse instrumentale professionnelle qui « met en jeu des schèmes relatifs à la gestion de la classe et aux apprentissages des élèves » (Ibid.). Cette genèse est propre à chaque enseignant, en ce sens qu'elle est dépendante du sujet, de ses habitudes de travail, de ses connaissances...

En situation de classe, elle est également propre à chaque élève. Trouche (2002a) a mené un travail afin de proposer une « orchestration instrumentale », qui vise à tenir compte de ces spécificités, en déterminant le profil de chacun dans un premier temps au travers d'une typologie, et en construisant des schèmes sociaux pour « mieux définir les objectifs, la configuration et les modes d'exploitation des différents dispositifs qui visent à constituer, pour chaque élève et pour la classe, des systèmes d'instruments cohérents ».

La genèse instrumentale a deux composantes, dites d'instrumentalisation et d'instrumentation.

La composante d'instrumentalisation, liée à l'artefact, peut, selon Trouche (2002b) passer par différentes étapes, de découverte et de sélection des commandes pertinentes, de personnalisation et de transformation de l'artefact « parfois dans des directions non prévues par le concepteur » (Ibid.). En cela, l'instrumentalisation est un processus de différenciation, dans les contenus (les artefacts n'ont pas tous les même potentialités) et dans ce qui est mobilisé (toutes les potentialités d'un artefact donné ne sont pas forcément mobilisées).

La composante d'instrumentation est, elle, liée aux schèmes. Elle modifie le contenu, l'ordre des actions telles qu'elles s'opèrent dans le cadre d'une situation similaire mais traditionnelle. Rabardel (1995) distingue deux types de schèmes, les schèmes d'usage, « directement liés à l'artefact » et les schèmes d'action instrumentée, constitués de plusieurs schèmes d'usage dont « la signification est donnée par l'acte global ayant pour but d'opérer des transformations sur l'objet de l'activité ».

Dans ses travaux, Emprin (2007) rappelle que la genèse instrumentale est un processus long. Lorsqu'il s'agit d'analyser un temps de formation, il ne s'agit donc que de ce qu'il appelle « une contribution » à cette genèse instrumentale.

Toujours en lien avec la genèse instrumentale, nous reprendrons la typologie selon les genèses d'usages, proposée par Lagrange, Lecas et Parzys (2006), complétée par Emprin (2007) qui organise les instruments selon trois cadres d'activités :

- Le premier cadre concerne les activités professionnelles non directement liées à la classe, s'exerçant individuellement ou au sein de communautés enseignantes. Les instruments construits sont alors appelés **instruments professionnels privés**.

- Le second cadre est celui où le professeur travaille « en différé » aux apprentissages de ses

² Les schèmes sont ici les mises en relation entre les conceptions, exprimables par des suites d'énoncés, et les compétences, exprimables par des actions (Vergnaud, 1996, cité par Truche, 2002a). Les schèmes sont donc des organisations d'actions qui se mettent en place lors des apprentissages, c'est ce qui relie le geste à la pensée.

élèves : conception de situations ou d'activités pour les élèves, production de documents pour la classe... Ces instruments sont nommés instruments professionnels de préparation.

• Le troisième cadre est celui de la classe où les usages ont pour objectif de soutenir des apprentissages disciplinaires. Il s'agit des instruments professionnels d'enseignement.

Bibliographie:

1. Abboud-Blanchard, M., Lenfant-Corblin, A. et Parzysz, B. (2013). Double approche et genèses instrumentales : le cas d'enseignants en formation. In. J.-B. Lagrange (Ed.), Les technologies numériques pour l'enseignement : usages et genèses. Toulouse : Octarès.
2. Brousseau, G. (1990). Le contrat didactique : le milieu. Recherches en didactique des mathématiques, 9, 309-336.
3. Castel, F. (2012). Effets de la masterisation sur les offres et les pratiques en formation initiale des professeurs des écoles : le cas des usages des technologies dans les enseignements de mathématiques. Mémoire de recherche, CIREF : Conception, Intervention et Recherche en Enseignement et Formation
4. Emprin, F. (2007). Formation initiale et continue pour l'enseignement des mathématiques avec les TICE : cadre d'analyse des formations et ingénierie didactique. Thèse de doctorat en didactique des disciplines, Université Paris-VII.
5. Lagrange, J.-B., Lecas, J.-F. et Parzysz, B. (2006). Les professeurs stagiaires d'IUFM et les technologies. Quelle instrumentation ? Recherche et formation, 52, 131-147.
6. Rabardel, P. (1995). Les hommes et les technologies, approche cognitive des instruments contemporains. Paris : Armand Colin.
7. Robert, A. (1999). Recherches didactiques sur la formation professionnelle des enseignants de mathématiques du second degré et leurs pratiques en classe. Didaskalia, 5, 123-190.
8. Robert, A. (2008a). Le cadre général de nos recherches en didactique des mathématiques. In. F. Vandebrouck (Coord.), La classe de mathématiques : activité des élèves et pratiques enseignantes. Toulouse : Octarès.
9. Robert, A. (2008b). La double approche didactique et ergonomique pour l'analyse des pratiques d'enseignants de mathématiques. In. F. Vandebrouck (Coord.), La classe de mathématiques : activité des élèves et pratiques enseignantes. Toulouse : Octarès.
10. Robert, A. et Rogalski, J. (2002). Le système complexe et cohérent des pratiques des enseignants de mathématiques : une double approche. Revue canadienne de l'enseignement des sciences, des mathématiques et des technologies, 2, 4, 505-528.
11. Rogalski, J. (2003). Y-a-t'il un pilote dans la classe ? Une analyse de l'activité de l'enseignant comme gestion d'un environnement dynamique ouvert. Recherches en didactique des mathématiques, 23, 3, 343-388.
12. Rogalski, J. (2008). Le cadre général de la théorie de l'activité. Une perspective de psychologie ergonomique. In. F. Vandebrouck (Coord.), La classe de mathématiques : activité des élèves et pratiques enseignantes. Toulouse : Octarès.
13. Trouche, L. (2002a). Genèses instrumentales, aspects individuels et collectifs. In. D. Guin et L. Trouche (Coord.), Calculatrices symboliques. Transformer un outil en un instrument de travail mathématique : un problème didactique. Grenoble : La Pensée sauvage.
14. Trouche, L. (2002b). Une approche instrumentale de l'apprentissage des mathématiques dans des environnements de calculatrices symboliques. In. D. Guin et L. Trouche (Coord.), Calculatrices symboliques. Transformer un outil en un instrument de travail mathématique : un problème didactique. Grenoble : La Pensée sauvage.

Об авторе:

Фредерик Кастель, Phd, директор Высшей школы подготовки учителей г. Труа, г. Шомон Университета г. Реймс, Шампань-Арденн, Франция

Frédéric Castel, Directeur adjoint de l'Inspé de l'Académie de Reims en charge des Relations Internationales, responsable des sites de Chaumont et de Troyes, formateur en didactique des mathématiques, Université de Reims Champagne-Ardenne

Керимов Айюб Севдим оглы

Исторические предпосылки Азербайджанского мультикультурализма (до XIX века)

История азербайджанского мультикультурализма характеризуется многообразием населения страны. Выдающийся этнограф начала XX века Велиев (Бахарлы) подчеркнул, что Азербайджан - это этнографический музей. Этнорелигиозный состав населения Азербайджана, наряду с азербайджанцами, включает также около 60 малочисленных народов, проживающих в стране. Они принадлежат к кавказскоязычным, ираноязычным, тюркоязычным группам. Одни из них являются коренным населением Азербайджана, а другие расселились на территории страны в результате общественно-политических процессов, происходивших в разные периоды истории страны.

Ключевые слова: Азербайджанский мультикультурализм, зороастризм, христианство, ислам, Кавказской албании, горские евреи, удины

Kerimov Ayub Sevdim ogly

Historical background of Azerbaijan multiculturalism

The history of Azerbaijani multiculturalism is characterized by the diversity of the country's population. A prominent ethnographer of the beginning of the 20th century, Veliyev (Baharly) emphasized that Azerbaijan is an ethnographic museum. The ethno-religious composition of the population of Azerbaijan, along with Azerbaijanis, also includes about 60 small peoples living in the country. They belong to the Caucasian-speaking, Iranian-speaking, Turkic-speaking groups. Some of them are the indigenous population of Azerbaijan, and the other settled on the territory of the country as a result of socio-political processes occurring at different periods in the history of history.

Keywords: Azerbaijani multiculturalism, zoroastrianism, christianity, islam, Caucasian Albania, mountain jews, udins.

В до монотеистический период истории азербайджанского мультикультурализма особое место занимает зороастризм. Согласно этому учению, в результате борьбы между Добром и Злом побеждает Добро. Человек же, играющий важную роль в этой борьбе, должен приложить большие усилия для победы Добра над Злом. При этом одержать победу над Злом человек может посредством не столько ритуалов и молитв, сколько своего образа жизни. В ритуалах данного учения основное место отводится поклонению огню. На протяжении нескольких веков после смерти основателя учения Зороастра (Заратуштры) оно подверглось определенным изменениям, начала формироваться новая религия, которая получила широкое распро-

странение в Западном Иране и Азербайджане к югу от реки Араз (Араке).

Священным канонам зороастризма была Авеста. Эта книга состояла из гат, представлявших собой изречения-обращения Зардушта верховному божеству - Ормузду. Авеста была священной книгой мидийского, а впоследствии и ахеменидского жречества. В период правления Сасанидов тексты Авесты были заново кодифицированы, после чего зороастризм стал государственной религией [1]. Однако эта религия не была принята исламом как небесная и, поэтому, подвергалась преследованиям со стороны Халифата.

Новый этап в истории азербайджанского мультикультурализма связан с распространени-

ем христианства. На территории Кавказской Албании оно было связано с именами апостолов Фаддея и Варфоломея. После того, как в начале IV века албанский царь Урнаир объявил христианство государственной религией, Албанская апостольская церковь распространила свое влияние на земли Азербайджана. С начала V века в христианском мире стал наблюдаться раскол из-за распространения новых учений. Албанская апостольская церковь, которая до конца V века выступала с позиций диофизитства, отдалась от него из-за необходимости приспособиться к условиям противостояния между различными направлениями христианства и проводимой Сасанидскими шахиншахами религиозной политике.

Несмотря на то, что в конце первой четверти VII века Сасанидское влияние стало ослабевать в социально-идеологической сфере, в стране все еще сохранялись приверженцы зороастризма, язычества, манихейства. Манихейство - религиозная секта, возникшая в III веке в Сасанидской империи. В основу его легло учение Мани /216-277/ считавшего, что в мире существуют две изначальные силы - Добро и Зло, или Свет и Тьма. Выступая против зороастризма, Мани призывал народ к борьбе против шахиншахов, феодалов, чиновников. Манихейство в разных формах и под разными названиями получило распространение на обширной территории от Китая до Испании. Данная реальность составляла одну из начальных страниц истории азербайджанского мультикультурализма.

Начиная с середины VII века, в азербайджанское общество вошла усовершенствованная идеология единобожия - Ислам. Распространение исламской религии в период Арабского халифата стало новой страницей в истории азербайджанского мультикультурализма. Исламская религия получила распространение во всех регионах страны не одновременно. Она стремительно распространялась на территориях, где ранее исповедовали зороастризм и язычество, в южных областях Азербайджана, а также в Миле, Мугани, на побережье Каспийского моря, вдоль течения рек Кура и Аразе. Однако христиане-албаны, проживающие в областях Арсах, Ути, Камбисена, не отказались от своей веры. Арабы терпимо относились к христианскому населению как к людям Писания, но с целью ослабления влияния Византии в регионе оказывали покровительство монофизитскому толку

христианства. Поэтому сложившаяся в регионе к концу VII века социально-политическая ситуация способствовала переходу Албанской апостольской церкви в монофизитство.

В начале VIII века Албанская апостольская церковь, видя путь избавления от господства Арабского халифата в сближении с Византией, решила вернуться к диофизитству. Однако столкнулись с коварной политикой армяно-григорианской церкви. Так, католикос армяно-григорианской церкви Илья в 704 году написал письмо халифу Абд-аль-Малику о событиях, происходящих в Албанской апостольской церкви, обвинив албанского католикоса Бакура в измене Халифату. В результате, Албанская апостольская церковь потеряла свою автокефалию и начала осуществлять деятельность на основе унии (союза) под руководством армянского католикоса. После событий 704 года население албанских областей Арсах и Ути подверглось религиозно-культурной ассимиляции - григорианизации. А ингилойцы - население северо-западного региона страны, области Эрети-Камбисена, граничащей с Иберией, обратили свои взоры на грузинскую православную церковь. Таким образом, трагический поворот истории привел к отчуждению друг от друга людей, имеющих общее происхождение, корни, историю. Отсюда и появление у нас афоризма "din ayri qardaş" («брат иной веры»). Албанская апостольская церковь в последующие периоды вела борьбу, с одной стороны, с армяно-григорианской церковью, а с другой - с грузинской православной церковью, и восстановила свою автокефалию лишь к середине XIII века. Ганзасарский монастырь превратился в резиденцию автокефальной Албанской апостольской церкви. Этот храм был построен по указу представителя династии Мехранидов, правителя владения Ашагы Хачин Хасана Джалалав 1216-1238 годах.

Несмотря на то, что после утверждения ислама позиции христианства в крае ослабли, оно еще несколько веков было духовным фундаментом местного населения. Согласно сообщению албанского летописца, даже в XII века часть албанского населения продолжала исповедовать христианство. Это также свидетельствует о самобытных культурных пластах, особенностях истории азербайджанского мультикультурализма.

С целью сохранения мультикультуральных традиций Азербайджана на территории страны

бережно охраняются зороастрийские, христианские, исламские храмы. Исторический путь, пройденный нашими предками, создал почву для возникновения мультикультуральных традиций, сформировал у азербайджанского народа культуру толерантного отношения к различным религиям.

История азербайджанского мультикультурализма характеризуется пестротой населения страны. Видный этнограф начала XX века Веллиев (Бахарлы) подчеркивал, что Азербайджан - это этнографический музей. В этнорелигиозный состав населения Азербайджана наравне с азербайджанцами также входят проживающие на территории страны малочисленные народы - удины, ингилойцы, хыналыги, гырызы, будуги, таты, талыши, лезгины, а также русские, евреи и другие. Малочисленные народы относятся к кавказоязычным, ираноязычным, тюркоязычным группам. Часть их является коренным населением Азербайджана, а другая поселилась на территории страны в результате происходящих в различные периоды истории социально-политических процессов.

Согласно переписи 2009 года, 8,4% населения Азербайджанской Республики составляют представители малочисленных народов [2, с.96] Одним из малочисленных народов в Азербайджане, относящихся к коренному, автохтонному населению страны, являются имеющие албанское происхождение удины. Сведения об удилах, язык которых относится к нахско-дагестанской группе кавказских языков, содержатся в «Истории» древнегреческого автора V века до н.э. Геродота (484-422 гг. до н.э.). Об удилах сообщает также автор «Географии» Страбон, живший в I веке до н.э.. Он упомянул их в числе местного населения Кавказской Албании, говорящего на 26 языках. Удины жили в основном в областях Кавказской Албании Ути и Арсах. Интересная информация об удилах приводится и в труде посетившего Азербайджан в середине XIX века знаменитого французского писателя Александра Дюма «Путешествие на Кавказ». Несмотря на то, что удины, пережив тяжелые этапы истории, смогли сохранить свою самобытность.

Численность удин, проживающих в настоящее время в городе Огуз Азербайджанской Республики, а также в поселке Нидж, Габалинского района, составляет около 4000 человек. Удинский язык делится на два диалекта - ниджский и варташенский. Удины, являющиеся носителями

исторической памяти Азербайджана, пережили все этапы процесса эволюции культурных пластов страны, прошли через политеистические вероисповедания, приняли в ранние средние века христианскую религию, подчинились Албанской апостольской церкви - самой древней церкви на Кавказе и древнейших во всем христианском мире.

Ингилойцы были одной из 26 племён Кавказской Албании. Они проживали в области Камбисена. Древними предками ингилойцев были гельские племена, о которых сообщают греческие авторы, указавшие, в частности, территории их этнического расселения. В настоящее время ингилойцы проживают в Гахском, Загатальском и Балакенском районах Азербайджанской Республики. По поводу ингилойского языка трудно высказывать однозначные суждения, поскольку он по сей день не исследован с фонетической точки зрения. Однако видный ученый, академик Н.Я. Марр, сравнивая ингилойские и грузинские языки, подчеркивал, что об ингилойцах известны лишь мнения не их самих, а грузин. В ранние средние века, когда в Кавказской Албании начало распространяться христианство, ингилойцы, как и удины, приняли эту религию. Однако в современный период среди ингилойцев, в отличие от удин, исповедуют как христианство, так и ислам. Еще Сефевидский шах Аббас I, укрепляя опору ислама на азербайджанских землях, граничащих с Картли-Кахетией, заставил христианское население этого региона принять исламскую религию.

Один из малочисленных народов Азербайджанской Республики - ираноязычные талыши вошли в азербайджанскую историографию как потомки кадусиев. В классификации малочисленных народов талыши относятся к автохтонной группе. Талышский язык входит в индоиранскую ветвь индоевропейских языков. Талыши исповедуют исламскую религию. В настоящее время они живут на юго-востоке Азербайджанской Республики, в основном в Лянкяране, Астаре и отчасти в Масаллинском, Лерикском районах. Согласно переписи 2009 года, численность талышей - граждан Азербайджанской Республики - составляет 111.996 человек.

В настоящее время в Азербайджанской Республике проживает 700 грузинских евреев. Общая же численность евреев в Азербайджане составляет 16000 человек. Горские евреи говорят

на диалекте татского языка. А ашкенази - на языке идиш, который входит в германскую ветвь индоевропейской языковой группы[3].

В начальный период после завоевания Северного Азербайджана власти Российской империи посчитали целесообразным переселить на эти земли русских крестьян-сектантов из центральных губерний России в расчете на ослабление социальных элементов, выступающих против русской православной церкви. Однако со второй половины XIX века, начали переселить Азербайджан и русских православных христиан. В результате переселенческой политики в трех азербайджанских губерниях - Бакинской, Елизаветпольской и Иреванской губерниях, согласно статистическим данным 1886 года, было зарегистрировано 86.356 русских. Согласно же всероссийской переписи населения 1897 года, численность русских на территории Северного Азербайджана достигла 119.236 человек. В начале XX века Российская империя продолжала переселять православных русских в эти губернии, в результате чего в 1912 году в Бакинской губернии были заложены 60, а в Елизаветпольской губернии - 29 поселений православных русских[4]. В канун свержения династии Романовых численность русских в Северном Азербайджане составила 249.835 человек.

Первую волну переселенных в регион немцев составили сектанты из немецкого княжества Вюртемберг. Часть немцев, переселившихся на

Южный Кавказ, расселилась на землях Азербайджана. В 1818-1819 годах здесь были образованы четыре немецкие колонии: Еленендорф и Анненфельд - на землях Гянджи, Екатериненфельд и Александергильф - на территории Борчалы.

Их численность в Северном Азербайджане в годы Первой мировой войны составляла 15.990 человек[5]. Немцы сыграли особую роль в истории Азербайджана. Оказав немалое воздействие на мультикультурное развитие страны.

В этнический состав населения Азербайджана входят и курды, являющиеся аллохтонами. Ираноязычные курды, относившиеся к мадайским племенам, прибыли в древний период из Средней Азии и расселились в Передней Азии. В средние века они начали расселяться и на территории Азербайджана. В начале XIX века курды жили в основном на территории Иреванского ханства, и в тот период их численность здесь составляла 10.737 человек. В религиозном отношении курды разделялись на мусульман, езидов, несториан.

Таким образом, в ходе исторического пути, пройденного Азербайджаном до XIX века, в Азербайджане была создана пёстрая культура мультикультурализма, сформировался многопластовый этнорелигиозный состав населения страны.

Литература:

1. См. Берзин Э.О. Чему учил Заратуштра? Атеистические чтения. Выпуск № 14, М., 1978, с. 48-64
2. Азербайджанский Мультикультурализм. - Учебник для высших учебных заведений.- Баку: БМЦМ, 2019, 528 с.
3. Беккер М. Евреи Азербайджана: история и современность. Баку, Озан, 2000, с. 14-22
4. <http://unec.edu.az/application/uploads/2015/07/multikulturalizme-giris.pdf>
5. <http://news.milli.az/society/376732.html>

Об авторе:

Керимов Айюб Севдим оглы, доктор философских наук, профессор кафедры общественных дисциплин Азербайджанского Технического Университета, г. Баку, Азербайджан, kerimoveyub@mail.ru

Лаура Куэн

Уроки из сада: что дачи могут рассказать нам о российском гражданском обществе

Дача – это феномен российского общества, который перетерпел ряд важных трансформаций своей формы и значения. Вместо того, чтобы пытаться осмыслить понятие «дача» с позиций чисто экономической рентабельности, эта статья проливает свет на его социальные, культурные и эмоциональные цели и коннотации. С другой стороны, дачу можно рассматривать в дискурсивном измерении, что позволит лучше понять постсоветское российское гражданское общество и его социальные слои. Цель статьи – охватить кажущиеся противоположными нарративы и пути использования дачи не в их противоречиях, а как спектр, варьирующийся от реальной до символической самодостаточности или досуга. На эмоциональном уровне дачная продукция занимает во многих отношениях решающее место. Категория «доморощенного» выступает в противовес отчужденной промышленной пище и способствует созданию и поддержанию социальных и эмоциональных связей.

Ключевые слова: дачная культура, российское (постсоветское) гражданское общество, самодостаточность, труд и досуг, антропологическая полевая работа.

Laura Kuen

Lessons from the garden: what dachas can tell us about russian civil society

The dacha is a phenomenon central to Russian society that has undergone several shifts in its form and meaning. Instead of attempting to comprehend dachas through a purely economic cost-benefit analysis, this article puts light on their social, cultural and emotional purposes and connotations. Conversely, dachas can be viewed as a discursive realm that allows a better understanding of (post)-Soviet Russian civil society and its social strata. The article's purpose is to grasp seemingly opposing narratives about, and usages of the dacha not as contradictions but as a spectrum ranging from actual to symbolic self-sufficiency or leisure. On an emotional level, dacha produce takes a crucial place in many regards. The category 'homegrown' stands in contrast to alienated industrial food and contributes to the creation and maintenance of social and emotional bonds.

Keywords: Dacha culture, Russian (post)-Soviet civil society, self-sufficiency, work and leisure, anthropological fieldwork.

Dacha – the word holds a whole set of associations even for many non-Russians: Family gatherings, berry picking, warm summer days, and long train rides out of the city. Dachas are typically located at the outskirts of cities, connected to the urban center by a railway or road. The average standardized size of a Soviet era dacha is 600qm¹ but variation in size, style, and intensity of cultivation is

huge. In fact, the term dacha holds a broad variety of gardens and describes any plot of land used by urban residents for summer gardening or leisure².

The dacha as a phenomenon that is central to Russian civil society has undergone several shifts in its form and meaning. Starting its existence in late imperial Russia, dachas today are common

¹ Vronskaya, Alla. "Dashing off to the country: The romantic Russian dacha has changed since Chekov's days." *Historic Gardens Review*, no. 19, 2008, pp. 20-23.

² Zavisca, Jane. "Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians." *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, 2003, pp. 786.

all over the country³ and have become an integral part of nearly every urbanite's life. Even if one does not have a dacha oneself, it is easy to receive an invitation to the dachas of colleagues, friends or family or at least to be presented with fresh harvest, jams, homemade berry wine or pickles at every suitable occasion.

In 2016 I started doing ethnographic fieldwork on practices of self-sufficiency in Kirov region⁴ together with my project partner Yury Snigirev. He is also an anthropologist and at the same time a local to Kirov⁵. We interviewed inhabitants of the city of Kirov who were gardening on small allotment plots as well as 'real *dachniki*' who had their summer retreats in a nearby village of approximately 400 inhabitants. The research consisted not only of interviews but also of participant observation, which meant that we literally dug our way through potato beds, helped harvesting cucumbers and learned about a garden's life circle in casual conversations during work. People reflected much about the joys and bounties they received from their dacha or garden and many admitted that the dacha was their private space of freedom as they were normally living in cramped apartment blocks. Yet, the circumstance that many Russians dedicate most of their free time and a lot of hard work to cultivate their garden plots leaves many outsiders with astonishment. Having studied urban allotment gardens in Germany – which are much smaller in size and required effort – I was curious to understand the Russian dacha phenomenon that seems to be an omnipresent element in national self-identification and daily discourse⁶. What insights into Russian civil society could be gained through an anthropological study of the Russian dacha? And what do they serve for if it is not for the

sake of self-sufficiency alone?

In public discourse the dacha is broadly referred to with a romantic tenor of nostalgia and dacha stories often celebrate heroic do-it-yourself-practices. Though labeled as "typically Russian," the dacha is sparsely examined in its broader connections and correspondences to societal processes or relevance for Russian civil society, that repetitively changed over time, both practically and symbolically. In fact, a look at the dacha is quite revealing if one regards it as a "discursive arena," as sociologist Jane Zavisca has coined it, that lies „on the boundary between production and consumption and between economic utility and status asset.”⁷

In this context I will consider three aspects of the dacha phenomenon. First, I will examine to what extent the much-praised sustaining capacity of the dacha actually secures people's survival. Second, this necessarily leads me to scrutinize the historical development of the dacha in order to understand it in its contemporary facets. Finally, I will take a closer look at dacha produce in connection to ideas of values, market economy, naturalness, health, social bonds, and emotions.

Surviving by the Dacha alone?

Throughout the 20th century, dachas (and allotment gardens in general) have repeatedly functioned as a key source of private agricultural production. During food shortages in the Soviet era, gardens were regarded as an important part of national supply – both, by citizens and the state. But even after the collapse of the Soviet Union, amidst the economic uncertainties of the 1990s, private subsistence economy remained materially relevant in Russia.⁸ These circumstances supported the widely held view that it was above all the gardens that ultimately ensured people's survival when the state could not. Despite this belief, analyses of the actual profitability have come to conflicting results. While some studies find that, although returns are relatively low, cultivated plots play a critical role for the broad middle strata that lives on the margins

³ In fact, the dacha phenomenon exceeds the borders of Russia and can be found in many other places throughout the entire realm of the former Soviet Union and beyond; See: Mincyte, Diana. "Everyday Environmentalism: The Practice, Politics, and Nature of Subsidiary Farming in Stalin's Lithuania." *Slavic Review* vol. 68, no.1, 2009, pp. 31-49; Rowe, William Campbell. "Kitchen Gardens' in Tajikistan: The Economic and Cultural Importance of Small-Scale Private Property in a Post-Soviet Society." *Human Ecology*, vol. 6, no. 37, 2009, pp. 691-703.

⁴ Kirov oblast lies about 900 km Northeast of Moscow.

⁵ The research was conducted during my M.A. studies of Social and Cultural Anthropology at Ludwig Maximilian University in Munich. Beside the written results we produced a documentary film that reached a broader audience and also made it possible to return the fieldwork results to our research partners. Kuen, Laura and Yury Snigirev. 2017. *Our Freedom*. Documentary film (52 min.) <https://www.extreme-anthropology.com/single-post/2018/11/09/Our-Freedom-SOVEREIGNTY-IN-CONTEMPORARY-RURAL-RUSSIA>

⁶ I use the term discourse to speak about ways of constructing and interpreting knowledge about practice: Michel Foucault. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977* (New York, 1980), 93-94, 131-33.

⁷ Zavisca, Jane. "Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians." *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, 2003, pp. 809.

⁸ Caldwell, Melissa. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. 2011. Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press, pp. 48, 80.

of poverty,⁹ sociologist Simon Clarke concludes that returns are insignificant and the dacha does not substitute the requirement to seek wage labor. He assumes that dacha use rather appears to be mainly a leisure activity the motivation for which lies not in providing urgently needed food, but rather in serving as a habitual insurance against feared food shortages.¹⁰

Analyzing the dacha purely as subsistence agriculture or survival strategy has often led to interpreting it as a sign of backward oriented development, as “involution, primitivization or re-peasantization of the post-Soviet economy.”¹¹ Looking at the dacha through a pure economic cost-benefit analysis obviously does not capture the full spectrum of motivations and meanings it holds. Regardless of the sobering results of economic profitability, many dacha owners insist that their gardens are necessary and productive¹² (even if this is oftentimes commented with irony about the workload it requires).

While the average dacha returns are low, the dacha is an essential resource for those who lack alternative options. During our fieldwork for instance, we met a woman from Donbas who had moved to Kirov region due to the violent conflicts in her home region. As she could not afford to live in the city in proximity to her relatives, she had to move into a village apartment. There she essentially relied on a small allotment garden that she had rented because her new occupation in the village did not allow her to buy grocery from the local shop every day. Nevertheless, this dependence on gardening rather was the exception; the vast majority of our interviewees stressed that they were voluntarily cultivating, not out of real economic obligation, even if economic motivations also played a role for many.

¹³ This shows that the economic benefit analysis is justified to some extent, but should rather be used as a starting point for broader discussions about what brings people to have dachas. It is part of the picture but never the whole.

The felt need for food security that Clarke has pointed out¹⁴ also resonated with the motivations stated by our interview partners. Almost all referred to the uncertainties they had experienced in the course of their lives when they were telling the reasons for why they were cultivating: In the end, it would always be the dacha (but also the forest as well as close friends and family) on which one could really rely. Also, in view of contemporary national instabilities, a frequent answer was: “If the economy goes down we will simply grow more potatoes.”¹⁵

Historical Changes of the Dacha

The dacha's symbolic and practical significance as well as the mentioned fear of food scarcity can be understood by taking a look at its history. Over the uneven course of the 20th century two aspects – food security as well as social distinction – kept emerging, alternating and overlapping with each other in different guises. Coming from the Russian verb *davat* – to give, the word “dacha” originated centuries ago describing a property given to someone by the noble elite. Along with the emergence of a middle-class in the late 19th century which could afford a higher standard of living but wasn't able to buy bigger country-estates, dachas appeared around major Russian cities, particularly Moscow and St. Petersburg. The construction of a railway system also played a crucial role in making dacha life for the urban population accessible.¹⁶ At that time, the dacha and its *dachniki* ultimately resembled the bourgeois middle-class. Owning a

⁹ Rose, Richard and Yevgeniy Tikhomirov, “Who Grows Food in Russia and Eastern Europe?” *Post-Soviet Geography* vol. 34, 1993, pp. 117. See: Zavisca, Jane. “Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians.” *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, 2003, pp. 789.

¹⁰ Clarke, Simon. 2002. *Making Ends Meet in Contemporary Russia: Secondary Employment, Subsidiary Agriculture and Social Networks*. Cheltenham: Edward Elgar.

¹¹ See: Burawoy, Michael et al., “Involution and Destitution in Capitalist Russia,” *Ethnography* vol.1, no. 1, 2000, pp. 46; Michael Ellman, “The Russian Economy under El'tsin,” *Europe-Asia Studies* vol. 52, no. 8, 2000, pp. 1418.

¹² Zavisca, Jane. “Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians.” *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, 2003, pp. 789.

¹³ In comparison to that, the motivation for cultivating a private allotment garden in contemporary Germany is clearly mostly for the sake of leisure (even though this was different in post-war times). Everyone I interviewed in my previous research (2013-14) stressed that the time spent working the garden would bring much bigger financial returns if spent on any wage labor. Besides, in Germany allotment gardens – so called *Schrebergärten* – are smaller than most Russian dachas, normally about 300 qm, which is just half the size of an ordinary dacha. For this reason, nobody of my German interviewees stated that he or she would cultivate the garden for economic reasons.

¹⁴ Clarke, Simon. 2002. *Making Ends Meet in Contemporary Russia: Secondary Employment, Subsidiary Agriculture and Social Networks*. Cheltenham: Edward Elgar.

¹⁵ All interviews were conducted in May-August 2016 and August 2017 in Kirov oblast.

¹⁶ Vronskaya, Alla. “Dashing off to the country: The romantic Russian dacha has changed since Chekov's days.” *Historic Gardens Review*, no. 19, 2008, pp. 20-21.

dacha was a prestigious leisure practice (not for growing supplies).¹⁷ Despite the initially bourgeois connotation, the dacha survived the revolution of 1917 and was turned into a state organization to safeguard the nation's physical and social health in the Soviet era. But this transformation was not the only one: within the Soviet period the dacha underwent several shifts in its purpose, form and meaning. During World War II subsistence gardening increased dramatically as people were struggling severe shortages and hunger. Beside the classical dacha format, some citizens also maintained informal allotment gardens on unused land near cities in order to secure their livelihood. After the war the dacha emerged in the new form of the "garden cooperative" plot. Cooperatives formed when enterprises petitioned the state for land that was then divided into small plots for their employees.¹⁸

During the Brezhnev era¹⁹ the self-provisioning aspect stayed relevant: the garden plot movement grew rapidly when official large-scale agriculture failed to provide sufficient food. A series of state decrees supported this development and the party-state propagated the concept of "active leisure" linking the dacha with health, family life and a *productive* use of free time.²⁰ This new notion stood in stark contrast to the individualistic and bourgeois values the dacha once represented. The prestige of owning a dacha suddenly laid more in its use than – as formerly – in its ownership alone.²¹ With restrictions such as a maximum living space and equal sizes of land dachas became only distinctive through the process of cultivation: outstanding harvests, tidy flower beds or exceptionally decorated houses became social means of assessment. An eclectic architectural style – not loved by all²² – developed as people tried to make the best out of the permitted sizes for dacha

houses. The dacha had moved from being a luxury for a bourgeois elite to an esteemed possession for a growing Soviet middle-class.²³

During perestroika, the importance of the dacha's ability to serve as a private agricultural production became relevant again. The growing food scarcity motivated the Gorbachev administration to put efforts into increased private gardening activities such as allowing bigger plots of land. Consequently, the dacha's main significance shifted once again from social distinction – be it bourgeois or Soviet – to a predominantly food securing purpose. Yet the "active leisure" narrative stayed alive and was further supported by the state that promoted the useful combination of simultaneously working and enjoying one's land.

Looking at the contemporary role of the dacha, it becomes evident that the diverse meanings and purposes that it carried over time offer a variety of symbolic points of connection for today's dacha users to situate themselves in the social strata. While cultural and economic elites assert their "distance from necessity" by referring to the pre-revolutionary model of the bourgeois dacha or even replacing it with a suburban house – the *kottezh*²⁴ –, many dacha users who fear to move downwards socially try to preserve the positive status associations of prestigious and productive dacha ownership from the Soviet era by maintaining the active leisure discourse. Those who in fact are pushed to intensify cultivation claim the dacha as a survivalist response to economic degradation.²⁵

The ability of the dacha to serve as versatile platform to enact social differentiation also became evident during our fieldwork in Kirov as we found ourselves confronted with a huge variety of (intersecting) dacha formats and gardening approaches ranging from survival self-sufficiency without alternatives to bourgeois enjoyment of the pure beauties of nature. The village's major for example, proudly presented his garden (obviously one of the most adorable and bountiful of the entire village providing more than enough harvest for him and his family) with the humble comment that the garden's purpose was not to sell the harvest or gain

¹⁷ Lovell, Stephen. "Between Arcadia and Suburbia: Dachas in Late Imperial Russia." *Slavic Review*, vol. 61, no. 1, 2002, pp. 66–87.

¹⁸ Zavisca, Jane. "Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians." *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, 2003, pp. 794.

¹⁹ Which lasted from 1964–1982

²⁰ Zavisca, Jane. "Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians." *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, 2003, pp. 796.

²¹ Galtz, Naomi Roslyn. 2000. *Space and the Everyday: An Historical Sociology of the Moscow Dacha*. Ph.D Dissertation, University of Michigan, Ann Arbor Gay, pp. 294.

²² Alla Vronskaya complains about how the originally beautiful architecture of 19th century dachas has been replaced by an unpleasing mix of styles and high fences; Vronskaya, Alla. "Dashing off to the country: The romantic Russian dacha has changed since Chekov's days." *Historic Gardens Review*, no. 19, 2008, pp. 20–23.

²³ Zavisca, Jane. "Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians." *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, 2003, pp. 795.

²⁴ Caroline Humphrey provides an extensive analysis of the *kottezh*: Humphrey, Caroline. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Ithaca: Cornell University Press.

²⁵ Zavisca, Jane. "Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians." *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, 2003, pp. 796.

any financial advantage from it but mainly to enjoy and admire it. Anyways, his position as a major kept him too busy to spend time on selling produce along the street. His garden was not maintained out of need but out of a fondness for beauty and a preference for homegrown food. With this explanation the garden's owner distanced himself and his intensive food production from those who did so because they were actually depending on their harvests. Though this example is not precisely about a dacha but an ordinary garden, it makes something clear: People use narratives about why they cultivate as a tool to distinguish themselves socially.

The broad spectrum of dacha uses reflects the social landscape of the village we researched, but also mirrors the social strata of the wider Russian civil society. This does not mean that one social group only identifies with only one single interpretation of the dacha. We recognized that people often switched between discourses depending on their argument's purpose. For instance, it seemed to be common practice to switch between the leisure and work discourse – in a way the dacha is work but also not work at the same time. It is a free, autonomous space but simultaneously can be perceived as a burden of repetitive, hard work. However, activities that are done for oneself such as working one's garden (in contrast to alienated wage labor) are often described as “for the soul” recognizing the “physical as well as psychical satisfaction that comes from working for oneself and under conditions of one's own choosing.”²⁶ Historian Rudy Koshar suggests that “labor and leisure are intertwined, the one reciprocating the other's contradictions and tensions”²⁷ and proposes a perspective that recognizes the mutual overlap of these two domains, particularly in how they both entail the active, deliberate, and purposeful use and control of time²⁸ while Robert Stebbins carefully recognizes that the hard work of a “serious leisure” activity is not necessarily pleasurable but rather fulfilling.²⁹

²⁶ Caldwell, Melissa. 2011. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press, pp. 44.

²⁷ Koshar, Rudy. 2002. “Seeing, Traveling, and Consuming: An Introduction.” *Histories of Leisure*, Rudy Koshar (ed.). Oxford: Berg, pp. 15.

²⁸ *Ibid.* pp. 4.

²⁹ Stebbins, Robert. 2004. *Between Work and Leisure: The Common Ground of Two Separate Worlds*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, pp. 1.

Homegrown Produce: The Making of Social and Emotional Bonds

As the examination of the dacha's history has shown, eating always is an agricultural act. In addition, taste has the power to constitute a sense of community and belonging. Just as the common saying “you are what you eat” indicates, we do not only consume nutritional matter but also ideas, representations and memories.³⁰ Especially if a produce is homegrown its personal significance is per se given. The observation of sprouting, blooming and ripening but also bearing sweat, sunburns, blisters and dirt under finger nails makes dacha food meaningful.

This foodstuff stands in contrast to the alienated goods that can be bought at supermarkets or shops. Their production could not be seen and felt and no sweat has been shed. Consequently, the forest, gardens and small-scale village productions are considered as the more reliable option and resemble a more attractive alternative. One of our interviewees, for instance, vividly described the emotional charging of her homegrown food in contrast to supermarket products: “If you invested your soul, you have a different relation to your food,” she asserted. When buying food in a shop, she wouldn't “look at the goods with love.” Instead, she would simply test the product's quality without emotion: „I know that I will just cut and prepare it. What I plant myself is what I love.” Melissa Caldwell, who extensively studied Russian dachas, also points to this, stating that „foods grown on private plots or in natural spaces such as forests and meadows, [...] are considered the antithesis of foods that come from state industries and thus represent an appealing alternative.”³¹

A term that was mentioned very often during interviews was natural'nye produkty. The label is used for things like wild berries and mushrooms and describes a whole group of products which are considered as “natural food.” However, this category does not only include foods actually coming from the “wild” such as berries, mushrooms, herbs, grasses, fish or game, but also cultivated fruits, vegetables, meat, and dairy products from private or trustworthy – that means transparent

³⁰ Holtzman, Jon. “Food and Memory.” *Annual Review of Anthropology* vol. 35, 2006, pp. 361–378.

³¹ Caldwell, Melissa. 2011. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press, pp. 86.

smallholder – sources such as the dacha and is oftentimes considered superior to industrially produced food. Crucial in this context seems to be a trust-based setting of acquisition and production for the perceived (i.e. not necessarily laboratory-proven) quality of food, which means that products from well-known sources are commonly much more appreciated. Similarly, derevenskie produkty – “village products” have a prominent status and particularly good reputation. However, also large companies use this positive connotation to advertise their products, for example by associating them with “traditional village life” by using corresponding pictures and names. Both natural foods and village products are not necessarily limited to village production or have been foraged in the wilderness, but can also come from small city gardens, parks, balcony cultivation and sometimes even from relatively large farms.³²

What is important is that they represent an alternative – at least mentally – to industrial, mechanized mass production and are therefore perceived as healthier even if it is known that this is actually not the case: One interviewee, who strictly rejected the use of artificial fertilizers and pesticides in her garden, remarked: “People always say that this is ‘the homemade’; your ‘own potato’, etc. But many forget how much poison they add. Here is a little fertilizer, there is the remedy for this or that worm.” The definitional complexity and noticeable relativity of the terms “ecological” and “natural” become clear when one compares this statement with another interviewee’s position for whom a lovingly supportive relationship with the plants was in fact the reason to use chemical fertilizers and pesticides:

I don’t really want to use fertilizer, but when I see that ‘someone’ is sick, that ‘someone’ is stressed, or that the soil is not fertile, I probably have maternal instincts and I want to help. There are ‘anti-stress drugs’ to buy and so sometimes I sprinkle a bit of them.

What becomes apparent in this statement is that it is not necessarily a matter of food purity in the sense of a measurable degree, but of knowledge about the well-known and therefore trustworthy origin. Concerns such as (economic) morality also play a role here. Particularly during the 1990s, which were marked by corruption and crime among the

financial elite, and in view of the growing disparities between that elite and the general population, dissatisfaction with the capitalist system spread. The “dangers of capitalism” were also reflected in the food discourse. “Ecologically clean” food increasingly resembled the opposite of cheaply produced commercial goods and seemed to preserve the spirit of sociality and community.³³

For instance, the fundamental difference between shop-bought milk and milk coming from a neighbor’s cow that was fed with a whole bucket of apples every day became evident during our fieldwork. The neighbor’s milk naturally was considered much more healthy, pure and tasty and was bought exclusively for the grandchildren that had come from the city for a visit. In the form of a special treat this was a way of expressing care and love for them.

Like myself, other non-Russians recognized the distinctive pride and confidence in the quality of homegrown and homemade food in Russia. Environmental historian Sarah Cameron who spent one year in Siberia recalls:

I soon came to understand the importance that my friends placed on eating food that they produced and conserved themselves. [...] In referring to the goods that they grew, produced, and frequently gave to me, my friends didn’t talk about “jam” or “potatoes.” They talked about “my jam” and “my potatoes,” and, through this turn of phrase, I came to understand the pride that my friends took in their efforts. If it was “theirs,” that meant that they knew exactly how it had been produced and grown, in contrast to the produce that found its way into the town marketplace.³⁴

From this perspective, “ecologically clean” food also includes the idea that it comes from friends or relatives or was collected and processed as part of a group activity. It is this personalized quality that makes the produce more trustworthy and at the same time tastier, cleaner, and more valuable than goods that are purchased without personal connotation.³⁵ In the form of gifts, these products therefore also play a social role:

Foods that are grown, prepared and circulated through personal networks are powerful symbols of

³² Caldwell, Melissa. 2011. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press, pp. 78.

³³ Caldwell, Melissa. 2011. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press, pp. 84.

³⁴ Cameron, Sarah. “The Long Winter.” *RCC Perspectives*, no. 5, 2013, pp. 25–28.

³⁵ Also see Holtzman, Jon. “Food and Memory.” *Annual Review of Anthropology* vol. 35, 2006, pp. 361–378.

intimacy and trust. In symbolic terms, natural foods are practical gifts to express and reinforce personal relationships and a sense of community [...] It is as gifts, both given and received, that natural foods are in their purest, most dependable, and most desirable state.³⁶

Natural products serve on the one hand to express social connections and on the other hand are perceived as a better way of consumption. The basic feeling of community and expressed care and commitment is oftentimes more relevant than biomedically healthier ingredients.

Conclusion

The dacha constitutes a spectrum that ranges from necessary self-sufficiency to entertaining leisure activities. Even if dachas rarely secure

actual survival they provide a feeling of security and autonomy for its owners. A look at historical developments shows how the aspects of agricultural necessity and social differentiation kept emerging, alternating and overlapping with each other in different guises. Contemporary dacha users refer to this historical variety as the interpretation of the past is itself a way to distinguish oneself socially. The broad spectrum of today's dachas – ranging from intensive cultivation on small plots over Soviet settlements with eclectic architectural styles to luxurious properties – reflects Russia's social landscape. Finally, dachas and their produce serve physical but also emotional and social needs. Conversely, examining the significance of foods grown at dachas gives insights into how perceptions of taste, naturalness and even health are socially embedded. Dachas can be much at once. They cover personal needs, provide gifts for friends and family, are a hobby, a pleasure, a habit, an identity-maker, a security guarantee, a burden, a free space.

³⁶ Caldwell, Melissa. 2011. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press, pp. 94–95.

Литература:

1. Caldwell, Melissa. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. 2011. Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press, pp. 48, 80.
2. Burawoy, Michael et al., "Involution and Destitution in Capitalist Russia," *Ethnography* vol.1, no. 1, 2000, pp. 46.
3. Cameron, Sarah. "The Long Winter." *RCC Perspectives*, no. 5, 2013, pp. 25–28.
4. Clarke, Simon. 2002. *Making Ends Meet in Contemporary Russia: Secondary Employment, Subsidiary Agriculture and Social Networks*. Cheltenham: Edward Elgar.
5. Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians." *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, 2003, pp. 789.
6. Galtz, Naomi Roslyn. 2000. *Space and the Everyday: An Historical Sociology of the Moscow Dacha*. Ph.D Dissertation, University of Michigan, Ann Arbor Gay, pp. 294.
7. Holtzman, Jon. "Food and Memory." *Annual Review of Anthropology* vol. 35, 2006, pp. 361–378.
8. Koshar, Rudy. 2002. "Seeing, Traveling, and Consuming: An Introduction." *Histories of Leisure*, Rudy Koshar (ed.). Oxford: Berg, pp. 15.
9. Kuen, Laura and Yury Snigirev. 2017. *Our Freedom*. Documentary film (52 min.) <https://www.extreme-anthropology.com/single-post/2018/11/09/Our-Freedom-SOVEREIGNTY-IN-CONTEMPORARY-RURAL-RUSSIA>
10. Lovell, Stephen. "Between Arcadia and Suburbia: Dachas in Late Imperial Russia." *Slavic Review*, vol. 61, no. 1, 2002, pp. 66–87.
11. Michael Ellman, "The Russian Economy under El'tsin," *Europe-Asia Studies* vol. 52, no. 8, 2000, pp. 1418.
12. Michel Foucault. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977* (New York, 1980), 93-94, 131-33.
13. Mincyte, Diana. "Everyday Environmentalism: The Practice, Politics, and Nature of Subsidiary Farming in Stalin's Lithuania." *Slavic Review* vol. 68, no.1, 2009, pp. 31-49.
14. Rose, Richard and Yevgeniy Tikhomirov, "Who Grows Food in Russia and Eastern Europe?" *Post-Soviet Geography* vol. 34, 1993, pp. 117.
15. Rowe, William Campbell. "'Kitchen Gardens' in Tajikistan: The Economic and Cultural Importance of Small-Scale Private Property in a Post-Soviet Society." *Human Ecology*, vol. 6, no. 37, 2009, pp. 691-703.
16. Stebbins, Robert. 2004. *Between Work and Leisure: The Common Ground of Two Separate*

- Worlds. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, pp. 1. 19, 2008, pp. 20-23.
17. Vronskaya, Alla. "Dashing off to the country: The romantic Russian dacha has changed since Chekov's days." *Historic Gardens Review*, no. 18. Zavisca, Jane. "Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians." *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, 2003, pp. 794.

Об авторе:

Лаура Куэн, магистр антропологии, куратор выставок, Германский музей науки и технологии, г. Мюнхен, Германия

УДК 94(470.46)“19”:574

Мостовенко М.С.

Экологический волонтаризм в СССР в 1960-е годы Астраханский ЦКК и Нижне-Волжская ГЭС

На примере строительства Астраханского целлюлозно-картонного комбината и разработке проекта строительства Нижне-Волжской гидроэлектростанции рассматривается феномен экологического волонтаризма в СССР в середине XX века. Отмечается, что несмотря на наличие в стране комплекса законодательных актов, идея охраны природы носила во многом формальный характер. С одной стороны советское руководство проводя управленческие реформы, стремилось привлечь ученых к развитию экономики. С другой стороны, мнение академического сообщества часто игнорировалось, что приводило к негативным экологическим последствиям.

Ключевые слова: экологическая история, Астраханский ЦКК, Нижне-Волжская ГЭС экологический волонтаризм, академия наук СССР, экспертные мнения

Mostovenko M.S.

Environmental voluntarism in the USSR in 1960th: Astrakhan paper and cardboard mill and Low-Volga hydropower station

The author is analysis phenomenon of environmental voluntarism in the USSR in the second half of XX century on example of building Astrakhan paper and cardboard mill and Low-Volga hydropower station. The idea on nature protection has a nominal character in spite of environmental protection law system. On the one hand soviet leaders try to change soviet system of economic management and attract scientific groups in to this process. But from the other hand academic's opinions were frequent ignored. As a result of this process would negative environmental subsequence.

Key words: environmental history, Astrakhan paper and cardboard mill, Low-Volga hydropower station, environmental voluntarism, Academy of Science USSR, expert opinions

Взаимоотношения государства, природы и общества в Советском Союзе всегда были трудными. Декларировавшаяся на правительственном уровне идея природоохраны, которая нашла свое отражение в комплексе законодательных документов, привела к появлению экологической политики в стране. Впоследствии она стала элементом идеологического противостояния в рамках «Холодной войны» между СССР и США. Советские лидеры утверждали, что в социалистическом государстве, в отличие от капиталистических стран, действует принцип защиты природы, ее охраны. Однако в действительности часто складывалась противоположная ситуация.

Вышедшая в 1992 году работа американского демографа М. Фешбаха «Экоцид в СССР. Здоровье и природа на осадном положении» запустила процесс экологического алармизма на постсоветском пространстве. Оказалось, что практически за 70 лет своего существования Советский Союз вплотную приблизился к экологической катастрофе. По данным М. Фешбаха «70% пресной воды в стране не пригодно для питья. Более 75% площади подвержено воздействию диоксидов и пестицидов»¹. Увлеченность советского руководства развитием

¹ Фешбах М. Экоцид в СССР. Здоровье и природа на осадном положении. – М., 1992. С. 22

военно-промышленного комплекса отодвинуло далеко на второй план вопросы экологической безопасности.

Характеризуя советскую экологическую политику, можно сказать, что ей была присуща определенная доля волюнтаризма. Достаточно часто, вопросы связанные с экологической составляющей тех или иных проектов принимались волевым решением, порой вопреки аргументации экспертного сообщества. Наиболее показательным в данном случае является взаимодействие государства, общества и природы в период правления Н.С. Хрущева.

Кроме того, что несмотря на развитие экологического законодательства и декларирование природоохранных лозунгов, советские лидеры часто придерживались абсолютно противоположной позиции. В качестве примера можно привести речь Н.С. Хрущева на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства 16 декабря 1960 года: «Я говорил уже об этом, я считаю, что зря был поставлен вопрос на сессии Верховного Совета РСФСР об охране природы. Этот вопрос был неудачно поставлен, потому что он дает неправильное направление. <...> Вот направление, какое они хотят навязать нам. Лес рубить нельзя, так как это все природа. Комар будет сосать, не изволь его обидеть, потому что это божья тварь.

Но я убью этого комара, вырублю этот лес, если это нужно для народа. Надо рубить и садить. Вот как надо, а не просто слюни распускать, что это природа. А природа эта – ольха, это сорняк. Если бы я был физически в состоянии, я имею в виду страну нашу, я просто две трети лесов Российской Федерации вырубил бы и снова засадил, потому что это не лес, а это дерьмо – это ольха, это всякие прочие деревья, я насадил бы хороших. Когда-то наши внуки насадят и разведут то, что надо.

Пишут у нас в газетах, что там-то создали заповедник, столько-то тысяч га леса. А что, товарищи, значит, создали заповедник? Это значит, там целый штат дармоедов. Раньше эти должности продавались. За то, чтобы работать там, надо было платить владельцу такого заповедника деньги. Теперь мы жалование платим. Он ничего не делает, ходит с ружьем. А мы смотрим, как белка грызет шишку. И это заповедное место. Это смеются над нами. И вот для того, чтобы

белка питалась шишками и кедровниками, мы создали заповедник»².

Однако, нужно подчеркнуть, что, несмотря на волюнтаристское и утилитарное отношение к природе, советское руководство старалось привлекать представителей научного академического сообщества для разработки различных крупных проектов, связанных с использованием природных ресурсов, и в дальнейшем направлять их рекомендации в Государственную экспертную комиссию Госплана СССР. Сам же Н.С. Хрущев пытается реформировать советскую плановую систему управления, в том числе и за счет включения в процесс принятия решений представителей академического сообщества. Так, по мнению, В.Л. Некрасова, «в конце 1950-х – начале 1960-х гг. важным элементом политики Хрущева стало привлечение ученых к решению социально-экономических и научно-технических проблем развития СССР»³. Однако надо сказать, что голос ученых не всегда бывал услышан в угоду как экономической, так и политической воли государственных лидеров. Одни из таких случаев будут рассмотрены далее.

Астраханский целлюлозно-картонный комбинат должен был стать новым шагом в развитии целлюлозно-бумажной промышленности СССР. Согласно наиболее распространенной версии, встречающейся в некоторых мемуарах, Астраханский ЦКК был построен непосредственно после звонка Н.С. Хрущева главе Госплана А.Н. Косыгину во время пролета над дельтой Волги⁴. В реальности появление Астраханского ЦКК было неслучайным.

К середине 1950-х в советской целлюлозно-бумажной промышленности начинают нарастать кризисные явления, которые были в основном связаны с устареванием материально-технической базы. С 1955 года Н.С. Хрущевым предпринимается попытка модернизировать отрасль и вывести ее из кризиса. Так, одной из наиболее острых проблем для бумажной промышленности СССР было снабжение предпри-

² Фурсенко А. А. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. – Москва. : Изд-во Политическая энциклопедия, 2015...-с. 472

³ Некрасов В. Л. Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54)-с.79

⁴ Гвишиани А. Д. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. – Екатеринбург. : Фонд культуры «Екатерина», 2004. – С.98-99

ятий сырьем⁵. Основная трудность заключалась в том, что большая часть деревообрабатывающих фабрик находилась в европейской части страны, в то время как лесные массивы располагались в Сибири. Для выхода из сложившейся ситуации и модернизации бумажной промышленности было принято решение об использовании альтернативных источников сырья для производства целлюлозной продукции и об обращении к зарубежному опыту его использования.

Надо сказать, что Советский Союз достаточно избирательно подходил к выбору западных партнеров для сотрудничества. Поскольку финская бумажная промышленность являлась наиболее технологически развитой, было принято решение о направлении в Финляндию советских специалистов и о закупке финского оборудования для отечественных комбинатов⁶.

Итогом командировки стало не только закупленное оборудование, но и принятие Государственным комитетом по науке и технике СССР решения об использовании тростника и камыша в целлюлозно-бумажной промышленности⁷. Одним из опытных предприятий, на котором должна была применяться новая технология, стал Астраханский целлюлозно-картонный комбинат.

Строительство комбината началось еще в 1956 году, к декабрю 1960 года должен был быть получен пробный картон⁸. Первоначально планировалось введение в строй двух очередей предприятия мощностью в 60 тыс. тонн полуцеллюлозы для картона каждая⁹.

Впоследствии было принято решение о строительстве третьей очереди комбината. Однако, с момента выхода на первоначальные мощности первые две очереди Астраханского ЦКК столкнулись с рядом проблем.

Во-первых, согласно первоначальным планам проектирования, общий объем запасов тростника составлял 825 тыс. тонн¹⁰. Однако при повторной экспертизе промышленных запасов,

проведенной в 1961 году, было обнаружено, что реальный объем возможных заготовок сырья составляет около 530 тыс. тонн¹¹, то есть комбинат был обеспечен сырьем лишь на 64%. В частности, в итоговом заключении Государственной экспертной комиссии Госплана СССР, которую возглавил профессор Г.В. Красниковский, указывалось, что «при разработке проектов не были учтены изменения режима стока р. Волга в связи с ее зарегулированностью и строительством в дельте реки вододельителя. <...> С вводом в эксплуатацию вододельителя в верховьях дельты р. Волги западная часть дельты и западные подступные ильмени в зоне Астраханского комбината практически будут обезвожены и тростниковые заросли потеряют свое значение»¹².

Во-вторых, при проектировании комбината не были в полной мере учтены производственные возможности сырьевой базы и заготовительных организаций. Экспертная комиссия в результате повторной проверки установила, что «тростниково-заготовительное хозяйство в зоне Астраханского комбината заготовило в сезон 1963-1964 гг. тростника в количестве 180 тыс. тонн или примерно 50% его потребности для I и II очередей комбината. В связи с отставанием с заготовкой тростника и работ по комплексной механизации заготовок, дальнейшее увеличение мощности комбината путем строительства III очереди производить не следует впредь до полного обеспечения сырьем I и II очередей»¹³, то есть, несмотря на тот факт, что тростниковые хозяйства лишь на половину обеспечивали сырьем уже имеющиеся промышленные мощности, уже планировалась постройка III очереди комбината.

Подобная ситуация с заготовительными организациями возникла не случайно, а стала во многом следствием волюнтаристского отношения к природе и низкого уровня технической оснащенности. Считалось, что тростник в дельте сможет расти достаточно быстро, тем самым обеспечивая завод сырьем. В реальности оказалось, что имеющиеся заготовительные средства не только являются малопроизводительными, но и при добыче тростника повреждают корневища растений, тем самым снижая урожайность продукции. Кроме того, в результате неправильной заготовки тростника и нарушения во-

⁵ Кочеткова Е.А. Industry and Forests: Alternative Raw Materials in the Soviet Forestry Industry from mid-1950s to the 1960s // *Environment and History*. 2018. №24(3). – с. 334

⁶ Кочеткова Е.А. Seeing the Forest and the Trees: Western Forestry System and Soviet Engineers, 1955-1964. // *Technology and Culture*. 2016. №57(3). – с. 586

⁷ Кочеткова Е.А. Industry and Forests: Alternative Raw Materials in the Soviet Forestry Industry from mid-1950s to the 1960s // *Environment and History*. 2018. №24(3) – с.343

⁸ РГАЭ Ф. 9480. Оп. 3. Д. 1154. Л. 75.

⁹ Там же Л.76

¹⁰ РГАЭ Ф. 4372. Оп. 65. Д. 920. Л.166

¹¹ Там же.

¹² Там же Л.168

¹³ Там же Л.171

дно баланса снизилась и без того невысокая урожайность с 7,54 до 6,5 тонн с гектара¹⁴. Низкий уровень организации заготовительных хозяйств отмечался и экспертами: «признать, что основной причиной неудовлетворительного состояния с заготовкой тростника в настоящее время является отставание на всех комбинатах и заводах в организации тростниково-заготовительных хозяйств и отсутствие удовлетворяющих требованиям уборки тростника средств механизации»¹⁵.

Для разрешения проблемы снабжения предприятия сырьем, планировалось завозить древесину из соседних областей. Согласно заключению экспертной подкомиссии Государственной экспертной комиссии Госплана СССР, которую возглавляли доктор сельскохозяйственных наук Д.Т. Зузик и академик В.И. Дикушин, было принято решение включить в сырьевую базу и рисовую солому, однако «так как рисовая солома в намеченном количестве может поступать лишь с 1970 года, недостаток в ней предполагается покрывать за счет поставки древесины лиственных пород в количестве 250 тыс.м³ из леспромхозов, подлежащих организации в Астраханской, Волгоградской, Куйбышевской и Саратовской областях»¹⁶. Кроме того, должны были начаться гидромелиоративные и обвалочные работы, для того, чтобы увеличить урожайность тростника. Однако, это существенным образом не повлияло на текущую ситуацию с сырьем, а только увеличило сметные расходы на тростниково-заготовительные хозяйства с 8,9 млн. рублей до 23 млн. рублей.

В-третьих, при строительстве третьей очереди комбината сказались и ведомственная несогласованность. Согласно первоначальным планам, новые мощности должны были выпускать полуцеллюлозу объемом в 105 тыс. тонн. Однако в 1964 году Государственный лесной комитет СССР вносит предложение о переориентации дополнительных мощностей на выпуск бумаги первого сорта, что требовало производство целлюлозы объемом 58 тыс. тонн, что, в конечном счете, увеличивало необходимый объем заготовок сырья еще на 120 тыс. тонн¹⁷. Так, в отчете государственной экспертной подкомиссии Госплана СССР говорилось, что «экспертная

подкомиссия считает, что основной причиной существующих затруднений в обеспечении заводов и комбинатов является не недостаток запасов тростника, а очень большое отставание работ по подготовке сырьевой базы и комплексной механизации заготовок тростника от промышленного строительства»¹⁸.

Еще одним проектом, продемонстрировавшим волюнтаристское отношение к природным ресурсам, стала идея строительства в нижнем течении реки Волги гидроэлектростанции, которая должна была стать последней ступенью Волжского каскада ГЭС.

К моменту обсуждения проекта гидроэлектростанции уже функционировал Волжско-Камский каскад ГЭС состоящий из 10 гидроэлектростанций самыми крупными из которых являлись: Волжская (Сталинградская) ГЭС мощностью 2 671 МВт, Жигулевская ГЭС – 2 477 МВт и Воткинская ГЭС – 1 035 МВт. Замыкающим звеном в Волжском каскаде должны была стать Нижне-Волжская гидроэлектростанция. Проектные показатели данной станции выглядели следующим образом: «гарантированная мощность – 610 МВт, максимальная годовая выработка электроэнергии 9,2 млрд.квт*ч, емкость водохранилища 17 км³, площадь зеркала водохранилища – 2 930 км²»¹⁹.

Кроме того, Нижне-Волжская ГЭС должна была стать завершающим звеном в системе энергохозяйства европейской части СССР. Так в письме министра энергетики и электрификации СССР П.С. Непорожного в Совет Министров СССР в марте 1963 года говорилось, что «Ввиду нарастающего дефицита топлива Европейской части СССР организация передачи электроэнергии на Урал из Сибири должна сочетаться с другими мероприятиями, ослабляющими дефицит энергии в Европейской части СССР. В частности, необходимо завершить строительство гидроэлектростанций Волжско-Камского и Днепровского каскадов»²⁰.

История этого проекта началась в 1958 году с визита Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева в Поволжье, где им высказывается мысль о необходимости комплексного развития этого региона²¹. Первоначально инициатором строительства Нижне-Волжской гидроэлектро-

¹⁴ РГАЭ Ф. 4372. Оп. 65. Д. 920. Л.180

¹⁵ Там же Л.174

¹⁶ Там же Л.181

¹⁷ Там же Л.167

¹⁸ Там же Л.194

¹⁹ РГАЭ Ф.7. Оп. 3. Д.680. Л. 276

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 97. Д. 643. Л. 5

²¹ РГАЭ. Ф.7, Оп. 3. Д. 680. Л. 139

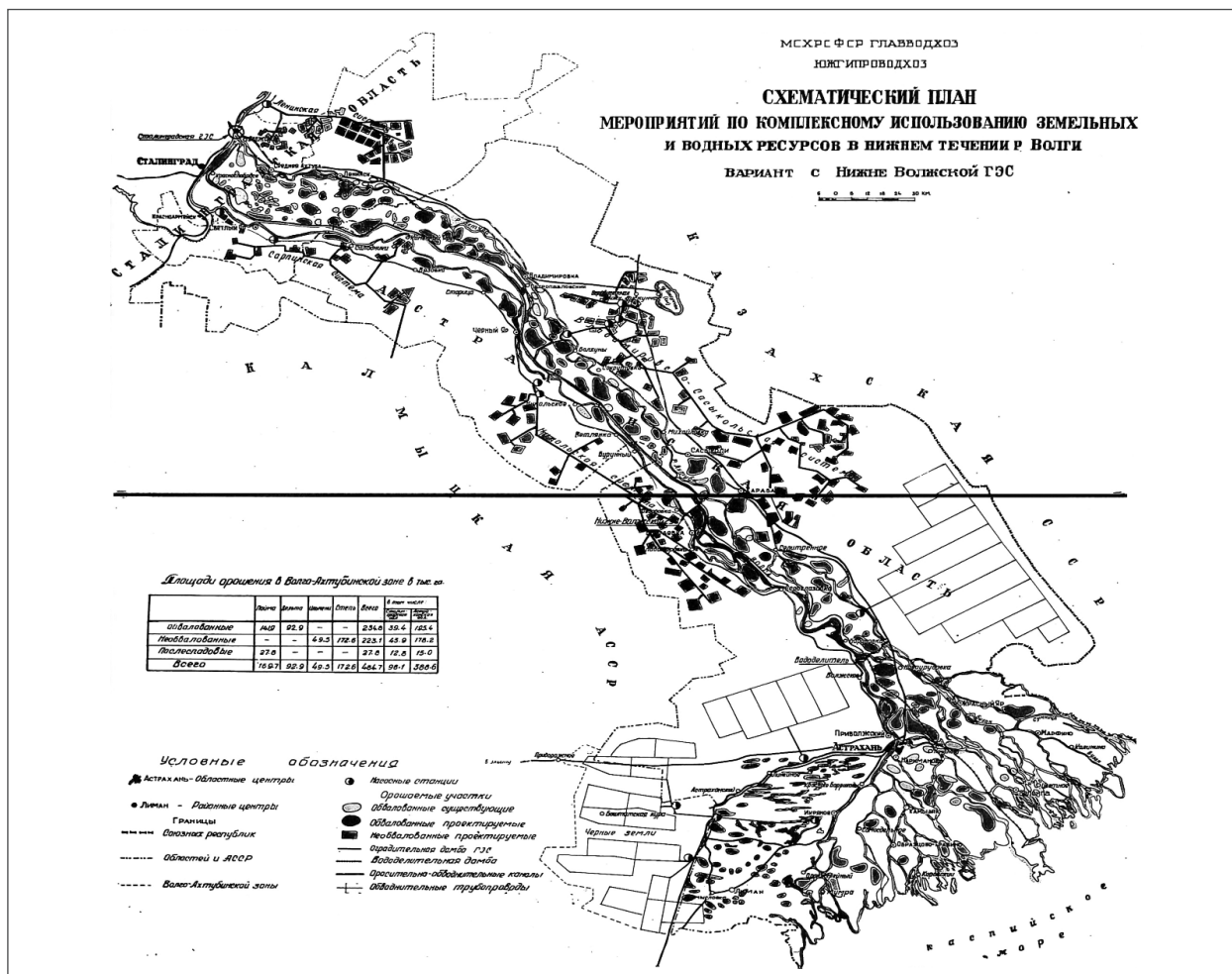

Рис.1. Схема комплексного использования земельных и водных ресурсов нижнего течения Волги

станции выступило Министерство строительства электростанций, которое в дальнейшем и курировало этот проект. Позднее к нему присоединились НИИ Гидропроект и региональный Южгипрорводхоз.

8 января 1958 года было принято постановление Совета Министров СССР, согласно которому Совет технико-экономической экспертизы Госплана СССР разрабатывал схему комплексного использования земельных и водных ресурсов в нижнем течении реки Волги. При проектировании этой схемы ставилась задача учитывать интерес энергетики, сельского хозяйства, рыбоводства и речного транспорта. Однако первичная экспертиза показала, что представляемая схема не в полной мере учитывает интересы всех участников. Среди заинтересованных лиц были Министерство строительства электростанций, НИИ Гидропроект, Южгипрорводхоз Министерство сельского хозяйства РСФСР, Сталинградгидрострой, Министерство сельского хозяйства, Гидрорыбпроект Госплана РСФСР,

Всероссийский научно-исследовательский институт озерного и речного хозяйства (ВНИОХР), а также астраханские партийные органы.

Кроме того, указанные в рассматриваемом документе предложения отчасти противоречили разработанным в 1957 году «Мероприятиям по обводнению и мелиорации естественных нерестилищ в дельте реки Волга»²².

Позднее, для всесторонней оценки и проработки проекта Нижне-Волжской гидроэлектростанции и комплексному развитию района дельты реки Волга в сентябре 1960 года приказом заместителя председателя Госэкономсовета СССР А. Гореглядом была создана Государственная экспертная подкомиссия. Стоит отметить, что немаловажную роль в оценке и экспертизе проекта сыграло академическое сообщество. Так в начале ноября 1960 года на имя президента Академии наук СССР Несмеянова А.Н. экспертной комиссией Госэкономсовета СССР был

²² РГАЭ. Ф.7. Оп. 3. Д.680. Л. 1

Рис.2. Волжский вододелитель (современное состояние)

направлен запрос о «выделении представителей Академии наук СССР для участия в работе экспертизы»²³.

Председателем комиссии был назначен академик ВАСХНИЛ, известный специалист в области гидростроительства и мелиорации А.Н. Аскоченский. В состав комиссии были включены 32 специалиста из различных отраслей народного хозяйства. Также были привлечены эксперты из местных институтов, КаспНИРО, Астраханской опытной сельскохозяйственной станции. Интересен тот факт, что половина экспертной группы составляли специалисты водного хозяйства (гидрологи, гидротехники), и это несмотря на тот факт, что экспертиза была направлена на решения проблемы: «увеличения воспроизводства рыбы, использования пойменных земель для производства сельскохозяйственных продуктов, выращивания птицы, использования камыша, развития гидроэнергетики»²⁴.

Для выработки взвешенного решения и необходимости учета интереса всего круга участников реализации данного проекта экспертная группа была направлена в район Волго-Ахтубинской поймы с целью встречи с местными специалистами. Однако в процессе дискуссии столкнули две противоположных позиции. Первой, придерживались гидроэнергетики и представители Сталинградгидростроя и

Южгипроводхоза, выступавшие за строительство гидроэлектростанции и водоотделителя. По их мнению, создание этих гидротехнических сооружений давало возможность более эффективного регулирования стока Волги²⁵. Кроме того, это позволило бы решить проблему сброса воды из Волгоградского водохранилища для обеспечения водой рыбную промышленность и сельское хозяйство Астрахани. Суть проблем заключалась в том, что дополнительная вода нужна была «рыбникам» в июне, а для сельскому хозяйству для орошения она нужна была в мае, а максимально возможные объемы сброса были ограничены 25 тысячами кубометров, сброс которых нужно было растянуть более чем на 30 дней²⁶. Кроме того, подобный холостой сброс воды, был невыгоден с экономической точки зрения. Так по мнению представителей Сталинградгидростроя: «Но мы сбросили 2 млрд. киловатт-часов невыработанной энергии. <...> А что такие 2 млрд. киловатт-часов потери выработки? Если по 10 копеек считать, то это не мало не много 200 млн. рублей, за 200 миллионов рублей можно построить 10 рыбных заводов. Каждый год от нас требуют сбрасывать 2 миллиарда киловатт-часов»²⁷. В дополнение к постройке гидроэлектростанции предлагалось возведение ниже по течению водоотделителя, который бы

²³ Там же Л.60

²⁴ Там же Л. 6

²⁵ РГАЭ Ф.7. Оп.3. Д.680. Л. 89

²⁶ Там же Л.88

²⁷ Там же

распределял водные потоки в Волгу и Ахтубу. В конечном счете предлагаемая гидроэнергетиками схема выглядела так. (рис.1)

Противоположной точки зрения придерживались представители рыбной промышленности, ВНИОРХ и сельского хозяйства. С их точки зрения строительство гидроэлектростанции делало ситуацию с обеспечением водными ресурсами сельское хозяйство катастрофичной, поскольку объем поступающий воду мог быть существенно уменьшен и как уже отмечалось ранее, не подавался в нужное время. Кроме того, существенно затрагивались и интересы рыбного хозяйства, так как отрезались пути миграции рыбы, а строительство рыбободъемников могло не компенсировать потери. Поскольку по словам самих же представителей Южгипрводхоза и Сталинградгидростроя: «Мы пустим рыбоход, но если доверят электрикам, он работать не будет. Он будет вращаться тогда, когда администрация захочет рыбы поймать или показать какой-нибудь экскурсии. И сейчас так работает рыбоход на Цимле. Приехали поляки на экскурсию, пустили рыбоход, показать, там полно рыбы»²⁸. «Сельскохозяйственники» и «рыбники» выступали за аграрное направления развития поймы, выращиванию сельскохозяйственных культур и проведение гидромелиоративных и оросительных работ²⁹.

Однако после долгих обсуждений проведенная государственная экспертиза показала, преждевременность строительства Нижне-Волжской гидроэлектростанции поскольку, согласно экспертному заключению «рекомендуется вопрос о строительстве этого гидроузла оставить открытым впредь до осуществления программы первоочередных мероприятий по рыбному и сельскому хозяйству»³⁰. Помимо этого комиссия рекомендовала постройку вододелителя (рис. 2) в основном русле реки Волги и осуществлять ежегодные сбросы воды из Волжского водохранилища с целью обеспечения интересов сельского и рыбных хозяйств³¹.

В заключении следует отметить, что природоохранные лозунги советского руководства не всегда находили свое воплощение на практике. Создание природоохранного законодательства в стране не означало, что оно будет работать в

полной мере. В ряде случаев экологическая политика мешала реализации политики экономической.

Попытка Н.С. Хрущева провести модернизацию экономики в 1960-е годы оказались не вполне успешными. Включение академического сообщества в процесс принятия управленческих решений могло способствовать экономическому развитию страны путем более рационального использования природных ресурсов. На практике голоса ученых часто оказывались не услышанными.

Истории создания и работы Астраханского целлюлозно-картонного комбината и разработки проекта по строительству Нижне-Волжской гидроэлектростанции могут служить примером того, как экономические решения принимались без учета их возможных экологических последствий. Ошибки при планировании планов заготовок и оценки восстановления природных ресурсов привели к тому, что обширные заросли тростника были вырублены за короткий промежуток времени без возможности их дальнейшего восстановления. Кроме того, организация деятельности заготовительных хозяйств осложнялась и не до конца решенной проблемой строительства Нижне-Волжской ГЭС. Для обсуждения строительства который были привлечены эксперты из разных областей. Однако постройка Волжского вододелителя, который с середины 1960-х годов использовался всего дважды, наряду с Астраханским ЦКК стали одними из символов советского экологического волюнтаризма.

²⁸ РГАЭ. Ф.7. Оп.3. Д. 680. Л.93

²⁹ Там же Л.100

³⁰ Там же Л.249

³¹ Там же

Литература:

1. Гвишиани, А. Д. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. – Екатеринбург.: Фонд культуры «Екатерина», 2004. – 312 с.
2. Закон «Об охране природы РСФСР». – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=15&nd=102010094 (Дата обращения: 01.04.2019).
3. Кочеткова, Е.А. Industry and Forests: Alternative Raw Materials in the Soviet Forestry Industry from mid-1950s to the 1960s // Environment and History. 2018. №24(3) – С. 325 - 347
4. Кочеткова, Е.А. Seeing the Forest and the Trees: Western Forestry System and Soviet Engineers, 1955-1964. // Technology and Culture. 2016. №57(3) – С. 586 - 611
5. Некрасов, В. Л. Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54) – С. 71 - 91
6. Фешбах, М. Экоцид в СССР. Здоровье и природа на осадном положении. – М., 1992. – 308 с.
7. Фурсенко А. А. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. – Москва.: Изд-во Политическая энциклопедия, 2015. – 1370 с.
8. РГАЭ Ф. 9480. Оп. 3. Д. 1154. Л. 75.
9. РГАЭ Ф. 4372. Оп. 65. Д. 920. Л.166
10. РГАЭ Ф. 4372. Оп. 65. Д. 920. Л.168
11. РГАЭ Ф. 4372. Оп. 65. Д. 920. Л.171
12. РГАЭ Ф. 4372. Оп. 65. Д. 920. Л.180
13. РГАЭ Ф. 4372. Оп. 65. Д. 920. Л.174
14. РГАЭ Ф. 4372. Оп. 65. Д. 920. Л.181
15. РГАЭ Ф. 4372. Оп. 65. Д. 920. Л.167
16. РГАЭ Ф. 4372. Оп. 65. Д. 920. Л.194
17. РГАЭ Ф.7. Оп. 3. Д.680. Л. 276
18. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 97. Д. 643. Л. 5
19. РГАЭ. Ф.7, Оп. 3. Д. 680. Л. 139.
20. РГАЭ. Ф.7. Оп. 3. Д.680. Л. 1
21. РГАЭ. Ф.7. Оп.3. Д. 680. Л. 60
22. РГАЭ Ф.7. Оп. 3. Д.680. Л. 6
23. РГАЭ Ф.7. Оп.3. Д.680. Л. 89
24. РГАЭ Ф.7. Оп.3. Д.680. Л.88
25. РГАЭ. Ф.7. Оп.3. Д. 680. Л.93
26. РГАЭ. Ф.7. Оп.3. Д. 680. Л.100
27. РГАЭ. Ф.7. Оп.3. Д. 680. Л.249

Об авторе:

Мостовенко Максим Станиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторических исследований, БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет», Россия, Сургут, reiseleiter@mail.ru

Хелфаллах Милуд

Упоминания о Казани в арабских источниках

В те времена, когда зарождалась Казань, нынешняя столица Республики Татарстан, языком науки и культуры был арабский или персидский с использованием арабской графики. Большинство письменных источников, посвященных более чем тысячелетней истории этого города, созданы на этих двух восточных языках. Таким образом, с нашей точки зрения, начальный период истории Казани основан на арабских источниках. В данной статье мы попытались раскрыть это.

Ключевые слова: Татарстан, Казань, история, арабский язык, персидский язык, источник, культура

Khalfallah Miloud

Kazan dans les documents arabes

À la naissance de Kazan, la capitale actuelle de la République du Tatarstan, la langue de la science et de la culture était l'Arabe ou sa sœur Persane écrite en lettres arabes.

Notant que la plupart des sources qui traitent de l'histoire de cette ville, qui dépasse mille ans, sont écrites dans ces deux langues orientales. Par conséquent, de notre point de vue, la première période de l'histoire de Kazan devrait dépendre des sources arabes. C'est ce que nous avons essayé de démontrer dans cet article.

Mots clés : Tatarstan, Kazan, histoire, Arabe, Persan, document, culture

ملخص:

عند نشأة قزان العاصمة الحالية لجمهورية تاتارستان، كانت لغة العلم والثقافة هي العربية أو شقيقتها الفارسية المكتوبة بحروف عربية.

مع العلم أن جل المصادر التي تناولت تاريخ هذه المدينة الذي يفوق ألف عام جاءت بهاتين اللغتين الشرقيتين. وعليه فمن وجهة نظرنا فإن تاريخ قازان الأول يجب ان يعتمد على المصادر العربية. وهذا ما حولنا القيام به في هذه الورقة.

في عام 1552 استولى الإمبراطور الروسي إيفيان الرابع، الملقب بالرهيب على مدينة قازان، فدمرها وشردها أهلها وظلت المدينة تحت حكم القيصرية الروس حتى العصر الحديث، وبنجاح الثورة البلشفية سنة 1918، بدأت الدولة التنارية بالتشكل وهي نفس المنطقة التي كانت تعرف بالبلغار قديما

. الواقعة بالمجرى الأوسط لنهر الفولجا وبعد سقوط الاتحاد السوفياتي في سنة 1992، ظهرت رسميا جمهورية تاتارستان، وهي دولة ديموقراطية ذات سيادة ترتبط بروسيا الاتحادية، تبعد عن العاصمة موسكو ب700 كيلومتر، يبلغ عدد سكانها 3.8 مليون نسمة، ينتمون إلى قوميات مختلفة لكن أكثرهم

من تتاريين "هذا اللقب أطلقه الروس على كل الشعوب والقبائل التي اعتنقت الإسلام وسيطرت عليها القبيلة الذهبية"، حيث بلغت أكثر من اثنان و خمسون بالمائة والروس واحد وأربعون فاصل خمسة، والعاصمة هي قازان أكبر مدينة في الجمهورية يبلغ عدد السكان فيها 1.2 مليون نسمة . وعند استقلال جمهورية تتارستان أرادت إدارة المدينة الاحتفال كونها ذات تاريخ . ورمزا للهوية التتارية . تقدمت إدارة المدينة إلى هيئة اليونسكو طالبة منها تنظيم حفلا ، لكن الهيئة رفضت ، بحجة أنها لاتنظم مثل هذه الاحتفالات إلى للمدن التي تجاوز تاريخ تأسيسها الألف عام ، ولا بد . أن تتوفر الأدلة للتحقق من صحة هذا الشرط . أرسلت إدارة تتارستان وفود علمية إلى أكبر مكتبات العالم لكن المصادر والكتب التي تتحدث عن نشأة المدينة ليست متوفرة ، عندها قرر عمدة مدينة قازان كامل إسحاقوف، ارسال رسول إلى مصر سنة 1997، بمقر جامعة عين الشمس بالقاهرة ، يطلب منهم إعداد بحث عن تاريخ المدينة، نشأتها وتطورها مع وجود الشواهد التي تدل على أن مدينة تتارستان تحتل نفس موقع . مدينة البلغار قديما . ومن هذا بدأ الفريق المصري في البحث عن تاريخ مدينة البلغار قديما، من خلال المصادر العربية التي احتوت على معلومات نادرة ومتناثرة في ثنايا الكتب والمخطوطات ، ومن أهم الباحثين : الكاتب ونصر الله مبشر الطرازي ، أحمد الخولي وعادل عبد المنعم سويلم ، وتم عقد مؤتمرات عدة بجمهورية تتارستان ، وتم التوصل بفضل البحوث والحفريات التي أجريت بالمدينة، التي تدل على أنها نشأت منذ أواخر القرن العاشر وحتى أوائل القرن الحادي عشر

، وهذا يؤهلها للاحتفال بتاريخها الألفي ، وتم الاحتفال عام 2005، بعد موافقة هيئة اليونسكو للاحتفال بمرور أكثر من عام على إنشاء مدينة قازان . يرجع تاريخ المدينة إلى دولة البلغار القديمة، حيث أرسل ملكه في ذلك الوقت إلى الخليفة العباسي في بغداد رسالة يطلب منه فيها أن يرسل إليه من يفقه في الدين ، وأن يبني مسجدا في المدينة كما أني يبني له . حصنا يتحصن به من الملوك المحالفين . فأرسل له الخليفة المقتدر العباسي ، بعثة بقيادة أحمد بن فضلان الفقيه، وقد كتب تقريرا مفصلا عن المهمة التي كلفت بها البعثة كذلك تضمن التقرير وصفا دقيقا لبلاد البلغار وأحوالها وعلاقتها بجيرانها ، وهذا التقرير الذي عرف باسم "رسالة بن فضلان " وهو المصدر الوحيد عن تاريخ مدينة البلغار ، من أعضاء البعثة كذلك سوسن الرسي الذي ينتمي إلى السكان في حوض نهر الفولجا ، و تكين التركي كان تاجرا يبيع الحديد ، وبارس الصقلي (وهم أتراك و صقالبة اعتمد عليهم العباسيون منذ قيام دولتهم التي اعتمدت منذ نشأتها على العناصر الغير عربية واعتمد عليهم في الشؤون العسكرية والإدارية .)، اعتمدوا ومن أبرز أفراد البعثة كذلك نذير (نظير) الخرمي الذي كان من البلغار ، أو على علاقة خاصة بملكها(كان المكلف بإدارة شؤون القصر والمحافظة على الأمن الشخصي للخليفة ما يسمى بالحرم .) حيث كان نذير هو من سلم بنفسه رسالة الملك . البلغاري إلى الخليفة المقتدر . كان يتمثل دور أفراد البعثة في أن سوسن الرسي هو رسول الخليفة الرسمي ، وأحمد بن فضلان المكلف عن قراءة الرسائل وتسليم الهدايا ، وتكين كان حلقة الوصل بين الخلافة وملك البلغار ، وفي الوفد أجاب الخليفة

المقتدر كل طلبات ملك البلغار, واشتملت بعثته على فقهاء ومحدثين وعلماء وخبراء عسكريين, وكان دور كل واحد منهم مذكور في رسالة بن فضلان, ولعل بارس الصقلي كان مختصا في أمر الحصن كما أرسل الخليفة معهم أربعة آلاف دينار للاستعانة بها على بناء الحصن لحماية ملكه من الأعداء, على أن يرجع المال من نتاج إحدى الضياع في خوارزم, لكن المال لم يصل إلى الملك البلغاري ما جعله يلوم بن فضلان أكثر من مرة وأنه طلب المال على سبيل البركة فمن مقدوره بناء حصن من الفضة والذهب.

وقد كان شغل الملك الشاغل هو بناء الحصن للتحصن به من يهود الخزر الذين كانوا على جنوب الدولة البلغارية وكان يهود الخزر يأخذون ضريبة من الممالك المجاورة لهم, بل حتى أنهم حبسوا ابن ملك البلغار رهينة عندهم وأخذوا ابنته غصبا وأرسلوا له في طلب أختها لكن الملك زوجها خوفا, ماجعل ملك البلغار يتوخى الحذر من الخزر ويتصل بالخليفة المقتدر ويطلب منه بناء حصن يتحصن به من أعداء الثغار وكان قصد الملك من بناء الحصن هو بناء سلسلة من القلاع الدفاعية على حدود المملكة, وكانت تلك المقومات الدفاعية آنذاك حسب الآثار عبارة عن صور من الخشب وبرج عال.

مايعني أن التحصينات بنيت في أماكن إستراتيجية بعيدة عن العاصمة التي هي عبارة عن منطقة مكشوفة معرضة للأخطار, بنيت تحصينات في الشمال لصد هجمات الروس البحرية سنة 907 و912م التي أشار لها المؤرخ الروسي "كارامازين" و"بن الأثير". والمسعودي كما تلاحظ من خلال إشارات المصادر

التحسن الذي طرأ على الموقف العسكري بالبلغار وقد أشار إليه المسعودي في كتابه التنبيه والإشراف, ما يدل على استكمال التحصينات العسكرية للبلغار, ويذكر القزويني نقلا عن كتاب تاريخ البلغار للقاضي أبي النعمان البلغاري أثار البلاد وأخبار العباد (مفقود), حيث ذكر اثنين من الحصون البلغارية المنبوعة, حصن شوشيط وحصن قريب منه سمي بحصن واطر بورنه.

وحصن شوشيط هو في منطقة لا ملح فيها لبعدها عن الشمس, وكانت بها عين مالحة وإذ احتاجوا للملح أخذوا من ماء العين وملأوا منه القدور ووضعوها على نار عظيمة فيتبخر الماء ويبقى الملح مترسب, وبهذه الطريقة ينتج الملح في كل المنطقة وحصن شوشيط الذي ذكره القزويني, قريب من اسم "جاوشيز", الذي ذكره بن فضلان في رسالته ونتيجة للتغير الطارئ على اللهجات تغيرت اللفظة حيث الجيم الفارسية التي تنطق (تش) بالغة الإنجليزية لدينا وزاي كانت في الأصل (ت), لكن نطقها بالفارسية (ز), ومن هذا نستنتج أن شوشيط أو شاوشيت نفسه جاوشيز الذي ذكره بن فضلان في رسالته, وبما أن صناعة الملح في شوشيط كانت من خلال وضع قدور عظيمة حتى يتبخر الماء ويترسب الملح, والقدر باللغة التركية هو القازان و ما يربط قازان بشوشيط هو صناعة الملح, وما يؤكد أن قازان هي شوشيط القديمة ما بينته الآثار التي كشفت عن صور قلعة في أعماق الأرض, كذلك بقايا نصف درهم يحمل اسم أحد الملوك السامانيين الذين كانوا يسيطرون على بلاد الفرس خلا القرن العاشر ميلادي. وكانت هذه أكبر الأدلة المادية بالإضافة إلى الأدلة التاريخية, التي تؤكد عراقية المنطقة

وبعد تقديم الأدلة المادية والتاريخية، أثبتت أن تاريخ مدينة قازان يعود لأكثر من ألف عام، وتم تنظيم مؤتمرات عالمية لإثبات عراقة وتاريخ المنطقة. وتحدد عام 2005 للاحتفال بمدينة قازان التي مر على إنشائها أكثر من ألف عام.

التي ترجع نشأتها إلى فترة السمانيين الذين عاشوا في شرق إيران وأسيا الوسطى قبل ألف عام. تأسست عاصمة جديدة بديلة عن البلغار بعد نزوح سكان حصن واطر بورنه بعد اضطهاد في بلادهم.

قائمة المصادر والمراجع

- تاريخ تتريسان، جاك بيرك
- جمع ما تفرق، محمد سعيد جمال الدين، مكتبة البولاق، (بدون تاريخ)
- قزان مدينة الألف عام، محمد سعيد جمال الدين، جامعة عين شمس القاهرة
- رسالة أحمد بن فضلان
- الإسلام رجال ومذاهب، إسماعيل العربي، المؤسسة الجزائرية للطباعة
- على خطى أحمد بن فضلان، مجلة العربي، الكويت
- صفحات مطوية من الثقافة الإسلامية، دار الصحوة، مصر
- نقوش فارسية على اللوحة العربية، الدار الثقافية، مصر
- وثائق إسلامية من العصر الأول، محمد مجيب المصري

Об авторе:

Хелфаллах Милуд, профессор, Университет Бискра Мохамед Хидер, г. Бискра, Алжир

Научное издание

ВЕСТНИК
Набережночелнинского государственного
педагогического университета

Сборник научно-методических трудов

Подписано для публикации электронной версии 30.04.2020

Набережночелнинский государственный педагогический университет
423806 Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Незаметдинова, 28.

ISBN 978-5-98452-200-7

9 785984 522007